

Древности Верхнего Хорезма

(Основные итоги работ Хорезмской экспедиции ИИМК 1939 г.)

1. ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКСПЕДИЦИИ

Работы 1939 года, третьего сезона работ Хорезмской экспедиции ИИМК, осуществлялись в значительно более широком масштабе, чем работы предшествующих двух лет¹.

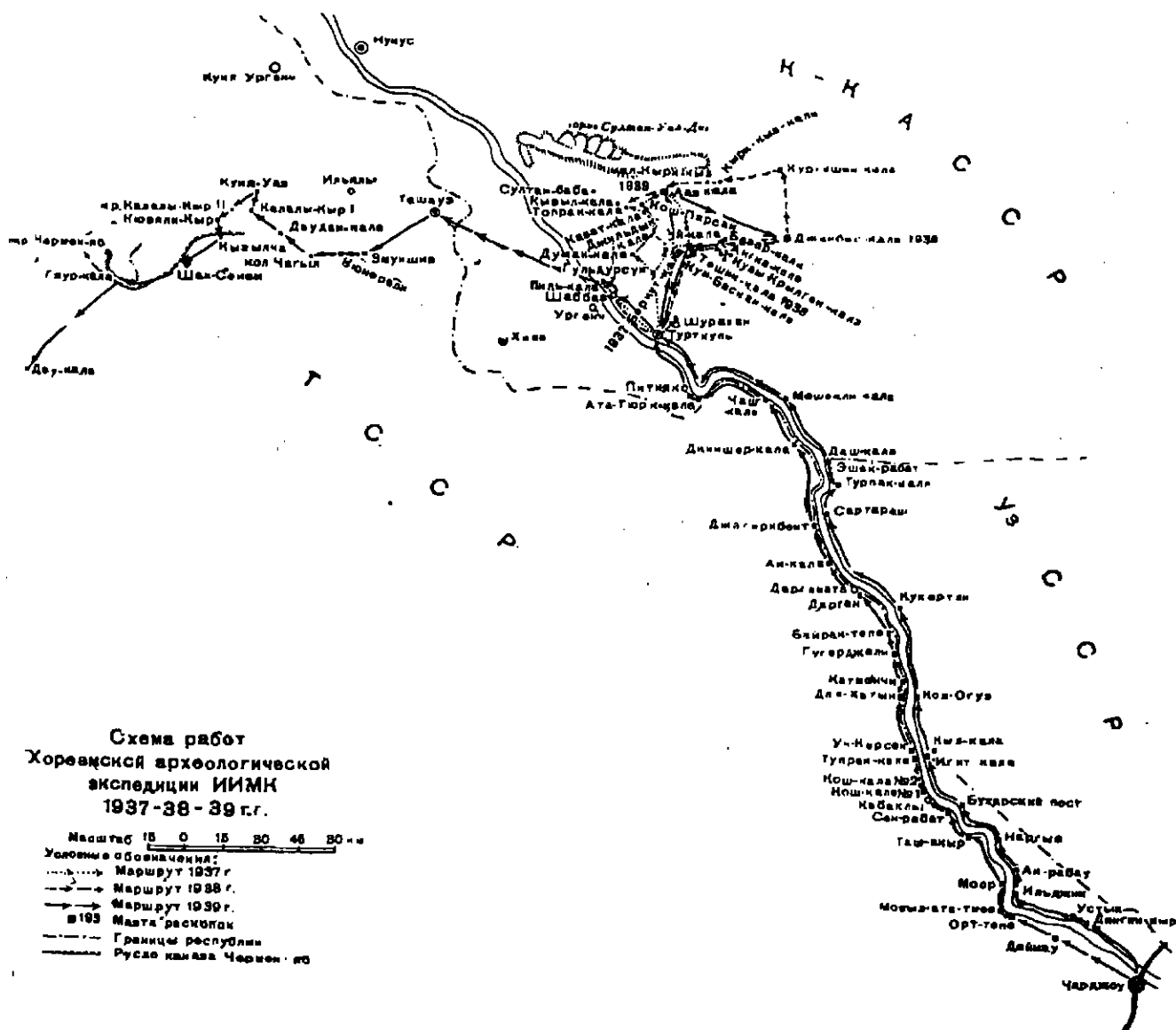

Рис. 1. Схема работ Хорезмской археологической экспедиции ИИМК.

¹ О работах 1937 г. см. А. И. Тереножкин, Археологические разведки в Хорезме. «Советская археология», 1940, VI. О работах 1938 г.—С. П. Толстов, Древнехорезмийские памятники Кара-Калпакии, ВДИ, 1939, № 3.

В работах приняло участие восемь научно-исследовательских учреждений четырех республик и пяти городов: ИИМК АН СССР (Моск. отделение), Гос. Эрмитаж (Ленинград), Гос. Исторический музей (Москва), Всесоюзная Академия архитектуры, Узбекистанский Комитет по охране и изучению памятников материальной культуры (Узкомстарис), Туркменистанский Институт истории, Центральный Краеведческий музей КК АССР, Истфак Моск. Гос. Университета.

В экспедиции принимали участие 16 научных и научно-технических сотрудников¹. Работа велась около 5 месяцев и заключалась в стационарных работах в зоне земель древнего орошения Кара-Калпакской АССР, а также в разведках вдоль Аму-Дарьи (ниже Чарджоу) и древнего арыка Чермен-Яб.

II. СТОЯНКА ДЖАНБАС-КАЛА № 4 и КЕЛЬТЕМИНАРСКАЯ КУЛЬТУРА

Как мы уже писали в нашем отчете за 1938 г.², нашей экспедицией в 1938 г. впервые были обнаружены в Хорезме стоянки бронзового века (вторая половина II и начало I тысячелетия до н. э.). Эти стоянки на западной окраине древних культурных земель мертвого Беркут-калинского канала очень близки по типу керамики к срубно-хвалынским в Поволжье и, особенно, андроновским Южной Сибири и Казахстана. В 1939 г. мы назвали культуру подобных стоянок тазабагьябской.

В 7—8 километрах к ЗСЗ от развалин Джанбас-кала, на прямой линии между ними и развалинами Аяз-кала, в огромном «уе»—котловине выдува—в 1939 г. обнаружено три стоянки. Из них одна принадлежит к тазабагьябской культуре, вторая, в полукилометре от первой, и третья—к более поздней культуре³.

В 1,5 км к югу от Джанбас-калы также обнаружены местонахождения обеих упомянутых культур. Однако важнейшей из сделанных здесь находок является стоянка неолитической культуры, названной нами по имени ближайшего населенного пункта кельтеминарской, Джанбас-кала № 4, найденная студентами МГУ—А. Я. Абрамовичем и Н. Н. Вактурской.

Стоянка Джанбас-кала № 4 занимает одну из расположенных у подножья Джанбас-калинской возвышенности плоских песчаных котловин выдува, почти сплошь покрытую многочисленными культурными остатками—керамикой, костями рыб, птиц, млекопитающих, раковинами, кремневыми отщепами и орудиями и т. д. Находки лежат прямо на песке и на несколько сантиметров под поверхностью песка. Рядом с окаймляющим котловину с севера такыром находится возвышающаяся на 25—30 см над окружающим песком площадка в 15 кв. м из губчатой песчано-глинистой массы с примесью голубовато-серой золы. На площадке больше всего находок. В средней части площадки обнаружено много небольших песчаниковых плиток, разбросанных по периферии квадрата ок. 4 кв. м.

Заложенный на краю такыра неподалеку от описанной площадки разведочный шурф дал стратиграфию стоянки:

Верхний слой—тонкая (5—26 см) такырная корка, утолщающаяся к центру такыра. Корка состоит из розовато-серого лессовидного суглинка, разделяющегося на слои, между которыми видны отпечатки широколистных болотных растений. Корка подстилается тонким синеватым глинисто-песчаным слоем, под которым лежит серовато-желтый дюнный песок. Уже в верхних слоях песка начинают попадаться культурные остатки — отдельные кремневые пластинки, осколки керамики и, особенно, кости рыб.

¹ Начальник экспедиции С. П. Толстов (ИИМК), научные сотрудники: археологи—т. С. А. Ершов, С. С. Гасанов (Турк. Ин-т истории), Я. Г. Гулямов, А. И. Тереножкин (Узкомстарис), Л. А. Ельницкий (Гос. Ист. музей), архитекторы—В. И. Пилявский и Г. Али-Задэ (Всес. Акад. архитектуры), художник Н. П. Толстов (ИИМК), коллекторы—Н. А. Сугробов (ИИМК) и М. Г. Мамлеев (Ц. Краев. музей КК АССР), фотограф В. Б. Шапошников, студенты-практиканты—А. Я. Абрамович, Н. Н. Вактурская, И. И. Комлев, И. В. Пташникова (Истфак МГУ).

² ВДИ, 1939, № 3, стр. 174.

³ Первые указания на эту культуру см. ВДИ, 1939, № 3, стр. 177.

Под этим слоем на глубине 45—50 см под поверхностью лежит темный, золистый слой, содержащий наибольшее количество находок. Он достигает мощности 6—10 см и подстилается желтым дюнным песком с многочисленными костями рыб. На глубине ок. 1,5 м находки в песке прекращаются. Замеченные в культурном слое в шурфе две золистые линзы, возможно, являются остатками двух очагов.

На участках 0/10 и 0/11 выступают три расположенных по одной линии углубления, 45 см глубины, выполненные леплистым слоем со следами обугленного дерева. Возможно—это ямы от столбов, поддерживавших кровлю.

Поселение располагалось на вершине и склонах большой песчаной дюны, повидимому (об этом говорит большая роль рыболовства в жизни обитателей стоянки) на берегу болотистого водоема.

Переходим к характеристике находок, учитывая, что стоянка, несомненно, имеет один культурный слой, отложившийся за сравнительно незначительное время.

Анализ орудий и фауны стоянки позволяет видеть в кельтеминарцах охотников и, особенно, рыболовов. Об этом говорит огромное количество рыбьих костей, переполняющих культурный слой на всей площади стоянки. По предварительному определению костей проф. Г. В. Никольским, среди рыб преобладают щука и сом. Это подтверждает наше заключение о стоячем характере водоема. Кости млекопитающих представляют остатки пищи, они сильно фрагментированы. Все определимые кости принадлежат, по определению проф. В. И. Громова, и с к л ю ч и т е л ь н о д и к и м ж и в о т н ы м: дикая свинья (*sus scrofa*), олень (*cervus ex gr. elaphus*), козуля (*cervus capreolus*), черепаха и ряд диких птиц. Кроме того, многочисленны находки раковин пресноводных моллюсков и скорлупы птичьих яиц.

Состав фауны, по заключению В. И. Громова, говорит о резко отличном от современного характере ландшафта, о значительной обводненности местности и о наличии лесных зарослей.

Охотничий и бытовой инвентарь состоит, главным образом, из кремневых и, в меньшем количестве, костяных орудий. Никаких остатков металла среди сотен добытых объектов не обнаружено (важно сопоставить это с тем, что небольшие сборы в районах выдувов тазабагъябских стоянок совсем не дали кремня и, напротив, дали некоторое количество мелких фрагментов меди).

Вся индустрия носит резко выраженный микролитовидный облик. Среди орудий (рис. 2) преобладают удлиненные вкладыши для костяных или деревянных орудий, концевые скребки, проколки, пластинки с полукруглыми ретушированными выемками (скобели), миниатюрные наконечники стрел свидероидного типа, известных также в сибирском неолите. Много длинных ножевидных пластин с ретушью. Есть также небольшие цилиндрико-конические костяные наконечники стрел. Многочисленны нуклеусы различных размеров в виде усеченной пирамиды. Отмечу находку овальной каменной колотушки или булавы, со следами опоясывающего ее углубления для прикрепления к рукоятке. Много миниатюрных цилиндрических костяных и раковинных бус.

Стоянка дала многочисленные остатки нескольких типов круглодонных сосудов. Прежде всего, сосуды, покрытые разнообразным штампованным и штриховым орнаментом, расположенным кольцевыми зонами, особенно в верхней части сосуда (табл. 1, рис. 1—4).

Венчики сосудов—прямые, с очень незначительным утолщением изнутри по краю. Характерна идущая по перегибу от корпуса к шейке зона орнамента из отдельных

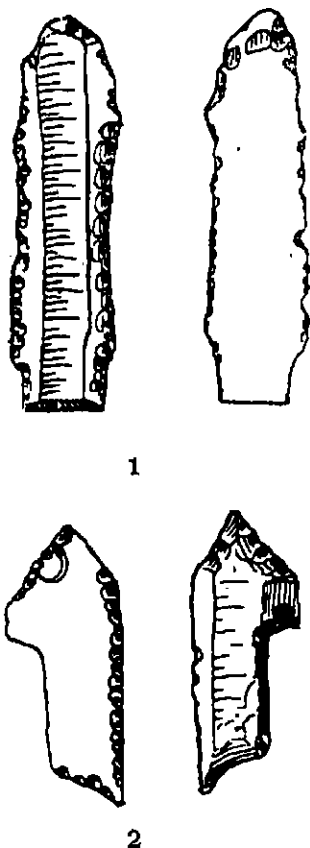

Рис. 2. Кремневые орудия кельтеминарской культуры со стоянки Джанбас-Кала № 4. 1. Ножевидная пластинка с ретушью. 2. Наконечник стрелы. (н. в.)

вытянутых трапеций или прямоугольников, заполненных вертикальными оттисками овального штампа (табл. 1, рис. 5).

Керамика—сравнительно тонкостенная, относительно хорошего обжига, с желтовато-коричневой гладкой поверхностью.

Эта керамика не имеет прямых аналогий в окружающих культурах. Однако она входит в комплекс степных культур энеолита восточной Европы и северо-западной

Азии, сближаясь с древнеявной культурой восточной Европы и, особенно, с афанасьевской культурой южной Сибири¹, отличаясь от них, однако, большим архаизмом.

Близка к кельтеминарской и керамика памятников нижнеобского неолита, исследованных В. Н. Чернецовым².

Фрагмент большого толстостенного сосуда, изображенного на табл. 1, рис. 6, весьма близок к некоторым сосудам позднего неолита южной Сибири, в памятниках которого вообще можно обнаружить много параллелей с керамикой и кремневым инвентарем нашей стоянки³.

Особняком стоят большие остродонные чаши, тонкостенные и лучшего обжига. На внешней поверхности одной из таких чаш заметны слабые следы красной краски (табл. 1, рис. 7).

Эти сосуды, повидимому, отражают влияние Анау, связанного с широким кругом древних переднеазиатских культур с крашеной керамикой.

Весь комплекс материалов позволяет датировать кельтеминарскую культуру временем не

позднее начала II, а скорее—III тысячелетием до н. э. Она, повидимому, старше афанасьевской культуры, знающей уже скотоводство и, вероятно, зачатки земледелия.

¹ Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае. «Материалы по этнографии», III, 2, Л., 1927, стр. 72—76, особенно табл. VI, рис. 7, 10, 4, а также табл. III, рис. 1 и табл. IV, рис. 1—2.

² Приносим благодарность В. Н. Чернецову, давшему нам возможность ознакомиться с его неопубликованными материалами.

³ Ср. Б. Петри, Неолитические находки на Байкале. Сб. МАЭ, III, 1915. Ср. также статью Г. П. Сосновского в ИГАИМК, вып. 100, стр. 210 сл. (табл. I).

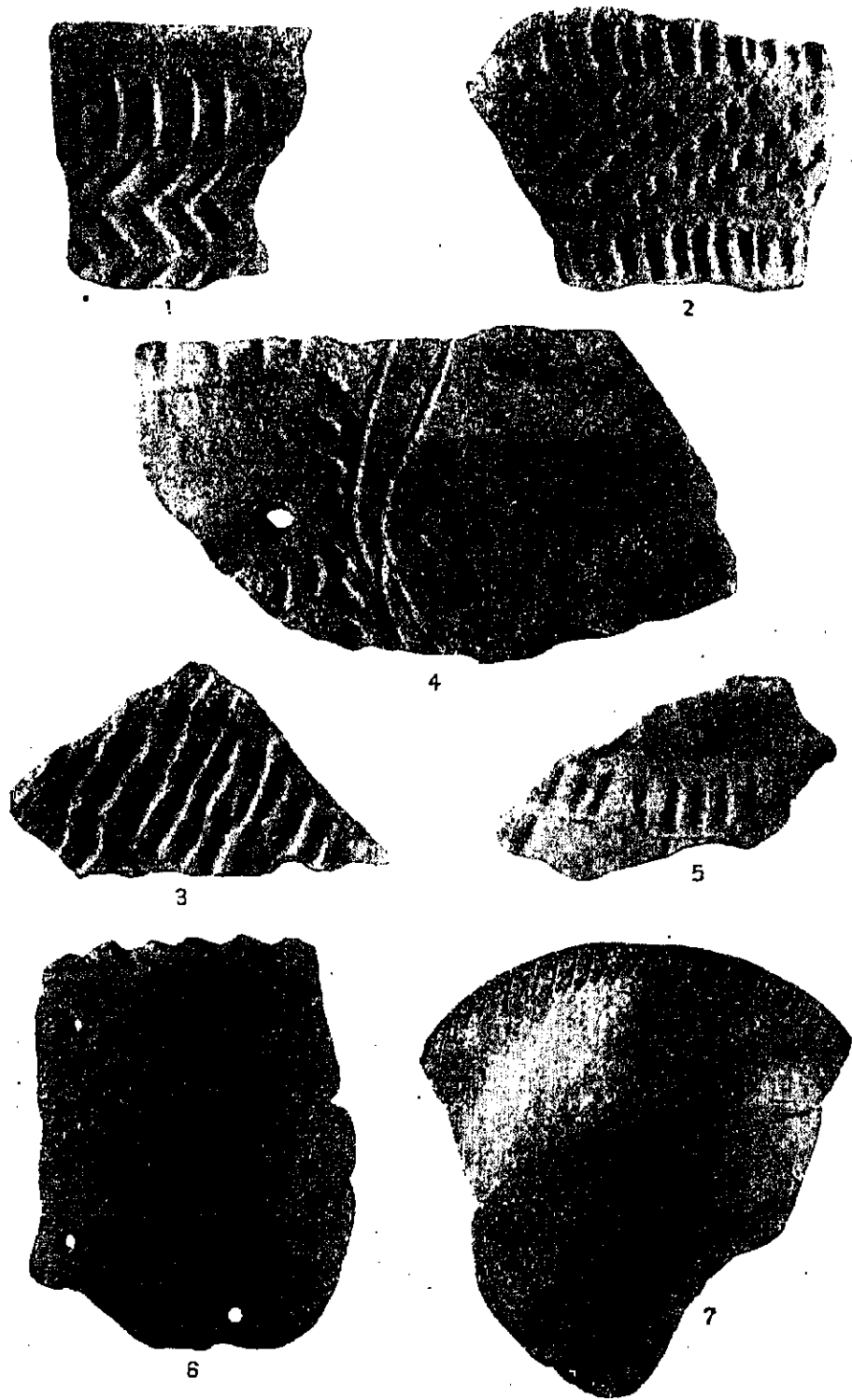

Таблица 1. Керамика кельтеминарской культуры. Стоянка Джанбас-кала № 4. ($1\frac{1}{2}$ н. в., рис. 6 и $7\frac{1}{4}$ н. в.)

Культурное влияние или этнические передвижения, приведшие к возникновению черт общности афанасьевской и кельтеминарской культуры, шли из Приаралья в Сибирь. За это говорит нахождение в погребениях афанасьевской культуры поделок из раковин *Corbicula fluminalis*, встречающихся только в устье Аму-Дарьи¹.

Открытие кельтеминарской культуры позволяет поставить вопрос, не являлась ли обширная, богато обводненная зона соединенных дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи важнейшим культурным очагом неолитической и бронзовой эпох, способствовавшим формированию культурной общности племен от Енисея до Днепра и от зоны Узбоя² до низовьев Оби.

Возможно, что через Приаралье в Сибирь шли те влияния переднеазиатских культур, о которых еще 30 лет назад говорил В. А. Городцов³. Весьма вероятно, что через Приаралье шел также и один из каналов этих влияний в Восточную Европу, что нам удастся проследить для всей позднейшей истории Хорезма.

III. АМИРАБАДСКАЯ КУЛЬТУРА и ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Открытые нами стоянки кельтеминарской и тазабагъябской культуры лежат исключительно в зонах дефляции маломощных такыров на окраинах «земель древнего орошения». Они залегают не на поверхности серого аллювиального песка, а на скрытых под поверхностью такыров древних дюнах.

Повидимому, в период хорезмийского неолита и бронзы местом обитания людей были окраины обширного водоема юго-восточных предгорий Султан-Уиздага и побережья ведших к нему от реки протоков, покрытые песчаными дюнами, окруженными густыми зарослями тугаев.

Исследования стоянки Джанбас-кала № 4 и стоянок хорезмийской бронзы позволяют судить и о дальнейшей истории среды, окружавшей людей, Повидимому, в конце эпохи бронзы в Хорезме затопляются и заболачиваются стоянки, ранее расположенные на сравнительно высоких точках побережья Южно-Султан-Уиздагского водоема. Над ними отлагаются прослойки такырных сероземов.

Если исходить из датировки конца тазабагъябской культуры, последней «подтакырной» культуры Хорезма X—IX вв. до н. э.⁴, это повышение уровня аму-дарьинских вод падает на VIII—VII вв. до н. э., т. е. будет довольно близко ко времени конца суббореального периода восточноевропейской равнины.

В этой связи важны условия залегания третьей культуры первобытного Хорезма — а м и р а б а д с к о й. Памятники ее обнаружены нами первоначально на западной окраине Беркуткалинских такыров и в зоне дефляции такыров к ЮЗ от Тешик-кала. В 1939 г. значительные местонахождения керамики этого типа оказались на такырах в 10—15 км к ССЗ от Джанбас-кала и рядом со стоянкой Джанбас-кала № 4, но на поверхности такыров.

Для этой эпохи характерны грубые, иногда толстостенные сосуды, часто с сильной примесью дресвы, с черной или черно-серой поверхностью, с плоским дном, округленно-выпуклыми стенками и резко отогнутыми или вертикальными низкими венчиками. Сосуды если орнаментированы, то только по краю. Наиболее часто встречается нарезной «елочный орнамент», идущий кругом по венчику сосуда (рис. 3).

Ближайшую аналогию к керамике этого типа я склонен видеть в некоторых формах керамики «доскифских» стоянок Северного Кавказа, описанных А. А. Миллером, в частности — в керамике Кобякова городища⁵. Характерно, что оба слоя «доскифской»

¹ С. А. Теплоухов, цит. соч., стр. 75—76 и «Мат. по эти.», IV, стр. 42—43.

² Керамика, близкая к комплексам «степной бронзы», найдена на Узбое Б. А. Федоровичем.

³ «Бытовая археология». М., 1910, стр. 193, 196—197.

⁴ ВДИ, 1939, № 3, стр. 174.

⁵ Ср. рис. 36 в отчете А. А. Миллера в «Сообщениях ГАИМК», т. I, Л., 1926, стр. 141 с нашим рис. 6.

культуры Кобякова городища подстилаются илистым отложением, под которым залегают слои намытого лессовидного суглинка¹. Сходство кобяковской и амирабадской культур интересно потому, что есть основания предполагать связь алано-сарматских племен, древнего населения Прикубанья, с массагетскими племенами Приаралья. Китайские источники позволяют говорить, что аорсы-аланы были на рубеже н. э. северными соседями массагетов, занимая территорию к северу от Усть-Урта и Аральского моря². По ал-Бируни, в древности аланы обитали по соседству с Хорезмом³. Мне уже приходилось обращать внимание на следы аланов в Хорезмской топонимике

Рис. 3. Образец сосуда Амирабадской культуры. С такыра близ стоянки Джанбас-кала № 4. (1/2 н. в.)

(развалины Алан-кала на ЮВ окраине Усть-Урта) и, вслед за Г. И. Карповым, на наличие среди средне-амударьинских туркмен племени, до сих пор именующего себя аланами⁴.

В амирабадской керамике можно предполагать памятник культуры массагетов⁵. Тогда ее близость к северокавказским «доскифским» культурам подтвердит древние алано-массагетские связи и цитированное свидетельство ал-Бируни.

Это разъяснит и условия глоттогенеза исторических хорезмийцев⁶, ту этнографическую среду, в которой могли оформиться языковые особенности, сближающие хорезмийский язык с осетинским.

IV. ДЖАНБАС-КАЛА

Следующим по времени памятником земель древнего орошения КК АССР, исследованным экспедицией в 1939 г., является Джанбас-кала. Внешний вид и подъемный материал с этого памятника был нами описан в нашем отчете за 1938 г.⁷. В истекшем году составлено детальное его описание, снят план и произведены раскопки—в большом здании у ЮВ стены и в двух жилых комнатах в СВ части городища.

Добытый материал характеризует общественно-бытовой уклад древнехорезмийского населения от III—I в. до н. э. до I в. н. э. Этот период мы можем назвать *кавгюйско-кушанским*⁸.

¹ «Сообщения ГАИМК», т. I, 1926, стр. 140—141.

² Цянь-хань-шу, цзюань 96, стр. 28 и др.

³ ZDMG, 1936, В. 90, 3/4, стр. 28.

⁴ ВДИ, 1938, № 1, стр. 197. Ср. А. Бахтиаров (Г. Карпов), Осколки «исчезнувших» аланов. «Туркменоведение», № 8—9, стр. 39—40.

⁵ Ср. Страбон, XI, 8.

⁶ На связь хорезмийского языка с аланским указывает ал-Бируни, ZDMG, В. 90, 3/4, стр. 28. Об осетинско-хорезмийских связях см. там же, стр. 30, где Heping говорит о большей близости хорезмийского языка к осетинскому, чем к согдийскому. Из новейших работ см. также А. А. Фрейман, Хорезмийский язык, ЗИВ АН СССР, VII, 1939, стр. 306; С. Л. Воллин, Новый источник для изучения хорезмийского языка, там же, стр. 79.

⁷ Предварительное описание см. ВДИ, 1939, № 3, стр. 177—180, рис. 3, 4, 5.

⁸ Кангюй—авестийское Каигха—государство, которое, по сведениям Ши-цзи и Цянь-Хань-шу, во второй половине II в. до н. э. объединяло бассейн Сыр-Дарьи (ниже Ферганы), Хорезм и Согд (долину Зеравшана). Хорезм, повидимому, играл в системе Кангюя крупную роль; в пользу этого говорит то, что ал-Бируни и позднейшая хорезмская традиция связывают с Хорезмом места деятельности эпического героя Сиявуша (Буйд. Сиявахш—повидимому, имя, связанное с древним именем Аму-Дарьи), которое Бундахиш и Шах-намэ помещают в Кангдиз (=Кангюй). В пользу этого говорит и связь авестийского Каигха с Урва, в котором Захау справедливо видит Ургенч.

На рубеже I в. до н. э. и I в. н. э. владения Кангюя, в том числе и Хорезм, входят в состав Кушанской империи. Это, кроме показания Китайской хроники, сейчас дока-

Датировку Джанбас-кала кангюйским и раннекушанским временем обосновывают:

1) керамика, близкая к керамике Аяз-кала, датированной монетами кушанского царя Канишки II в. н. э., но все же отличающаяся от последней переживаниями ахеменидских и раннеэллинистических форм;

2) большое количество архаических статуэток, являющихся также переживанием форм ахеменидского времени (табл. II, рис. 1);

3) наличие бронзовых стрел, восходящих к скифским прототипам IV в. до н. э.;

4) архаизм оборонительных сооружений (отсутствие башен);

5) отсутствие находок хорезмийских и кушанских монет.

Однако против чрезмерного углубления датировки Джанбас-калы говорит массовое нахождение статуэток индубуддийского типа (табл. II, рис. 2), восходящих к гандхарским формам. То же надо сказать о миниатюрном изображении буддийской ступы (табл. II, рис. 3) и обезьяны¹ (табл. II, рис. 4), а также нахождение статуэток «нагой богини» с характерным жестом Венеры Медичи (табл. II, рис. 5). Этот жест чужд восточной художественной традиции и идет, несомненно, из греческого искусства конца IV в. до н. э.

Отсутствие в Джанбас-кале признаков коренных перестроек заставляет думать, что период ее существования вряд ли превышал два-три столетия.

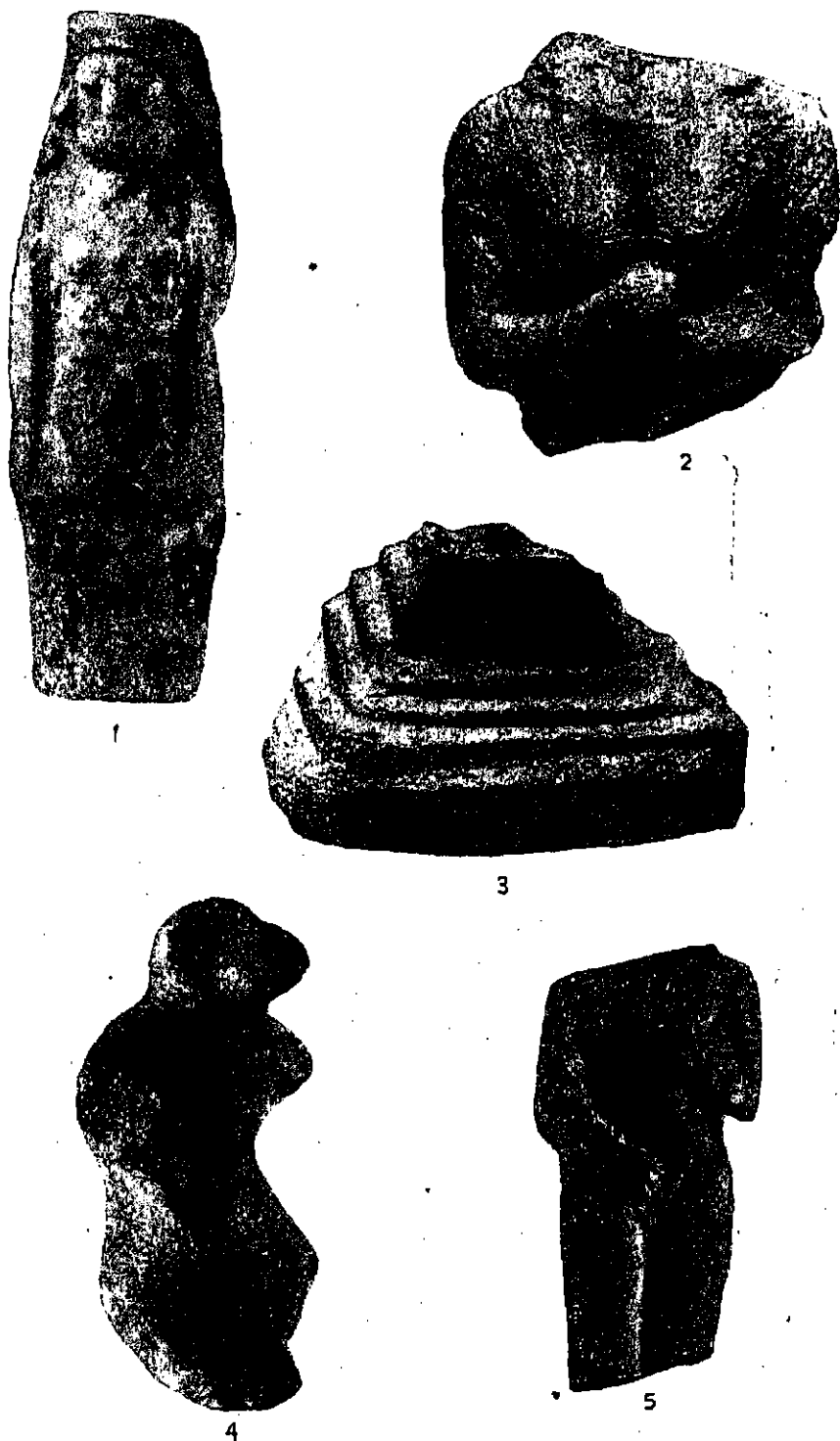

Таблица II. Терракоты Джанбас-калы. ($\frac{1}{2}$ н. в.)

зано 1) фактом массового нахождения кушанских монет в Хорезме, 2) связью типов монет хорезмской чеканки с раннекушанскими монетами (монеты «Герая»), 3) связью тамги Хорезмской династии афригидов с кушанской тамгой, 4) выявлением в искусстве древнего Хорезма индубуддийской струи, несомненно, связанной с господствующими формами кушанского искусства.

¹ Эту обезьяну редакция «Кратких сообщений ИИМК» в моей краткой предварительной заметке в № 6 этого журнала по неизвестным для меня причинам превратила в «неизвестное животное» и в соответствии с этим поставила изображение на четвереньки.

ДЖАНБАС - КАЛА

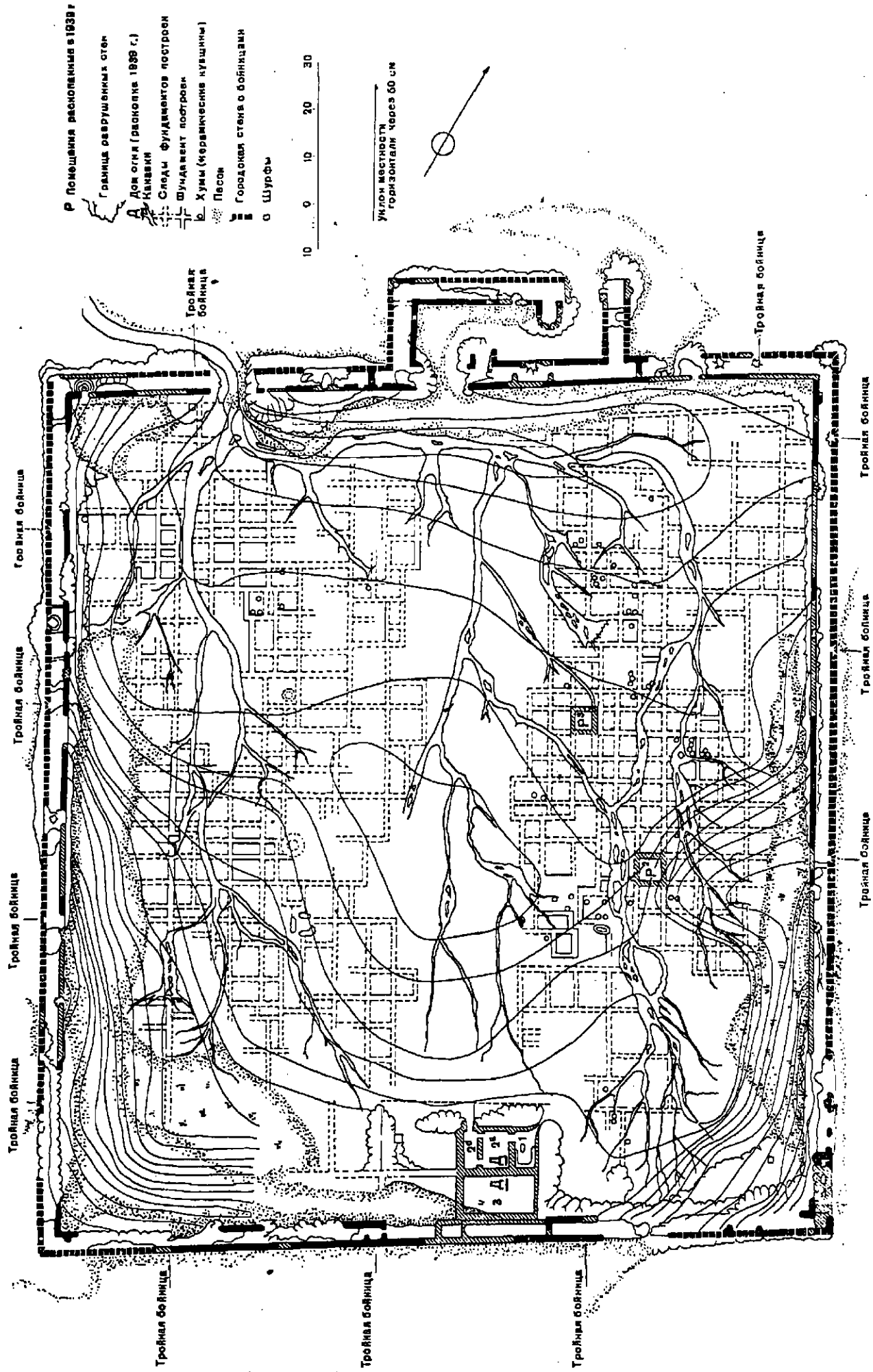

Рис. 4. Джанбас-кала. Генеральный план. Обмеры производили архитекторы В. И. Пилявский и Т. Али-Задез

Все вместе взятое позволяет датировать Джанбас-калу II, может быть, III в. до н. э.—I в. н. э., т. е. кангюйским и ранним этапом кушанского времени.

Однако культура Джанбас-калы несет много элементов, входящих к докангюйскому—ахеменидскому времени.

В 1939 г. нам удалось, совместно с архитекторами В. И. Пилявским и Г. Али-Задэ, проследить внутреннюю планировку городища (рис. 4).

Площадь городища, по медиане, с СЗ на ЮВ пересекает идущая от ворот к развалинам большого здания у ЮВ стены широкая (ок. 30 м) улица. Направо и налево от нее располагаются два обширных жилых квартала. Каждый из этих кварталов представляет собой единый массив жилых помещений. Незастроенными в пределах каждого массива оставались лишь несколько небольших внутренних дворишков. Каждый массив состоял из большого количества сравнительно небольших, примерно одинаковых комнат. В каждом из массивов более чем по 150 комнат. Если учесть неясные места и места, скрытые под барханами, количество комнат в каждом из массивов превысит 200.

Заложенные на городище два раскопа (по одной комнате каждый) и наблюдения за подъемным материалом показали, что комнаты—жилые, сообщающиеся между собой.

В одном из раскопов обнаружены в углу остатки небольшой вырубленной в стене глиняной печи—«тандыра»—ульевидной формы.

На поверхности городища и в культурном слое найдено много фрагментов продолговатых зернотерок, типичных для всех кангюйско-кушанских памятников Хорезма. Лишь в афригидское время появляются ручные жернова.

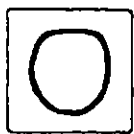
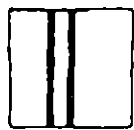
На кирпичах в перекрытии бойниц было обнаружено 9 форм тамг, причем оказалось, что тамги на стенах, примыкающих к ЮЗ жилому массиву, резко отличны от тамг стен СВ массива (рис. 5).

Небольшое количество тамг и связь между отдельными их вариантами (в пределах каждого из комплексов) заставляют видеть здесь родовые тамги строителей крепости. Каждый массив был, видимо, заселен особой группой родственно связанных между собой родов, отличной от группы родов противоположного массива. В этом мы видим отражение дуальной организации. Деление племени на две экзогамные фратрии, или первоначальных рода (по выражению Энгельса¹), — институт универсальный.

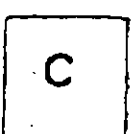
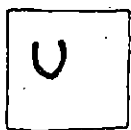
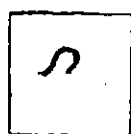
У многих народов каждая фратрия занимает отдельную часть деревни (например, в Австралии, в Меланезии, в Южной Америке).

Пережитки дуальной организации были прослежены нами в структуре туркменских племен². Отметим также сведения (например, ал-Макдиси, X в.) о делении ряда средневековых городов Средней Азии и восточного Ирана на две части, находящиеся в ритуальной вражде между собой³. Это имеет глубокие исторические корни, судя по сообщению Тан-Шу о ритуальной борьбе между двумя половинами населения во время новогоднего праздника в домусульманской Фергане⁴.

Ю-З стена
Западная часть

Ю-В стена
Восточная часть

(2 шт)

(2 шт)

Рис. 5. Тамги на кирпичах Джанбас-калы.

¹ М. и Э., Соч. т. XVI, ч. I, стр. 69. Ср. также стр. 134.

² ПИДО, 1935, № 9/10, стр. 3 сл.

³ ВГА, III, стр. 358, 37, 336; «Материалы по истории Туркмении и туркмен» (МИТТ), I, стр. 208, 209, 205.

⁴ Тан-Шу, цзюань 221 в., стр. 8 а.

Ритуальная вражда и ритуальные состязания фратрий являются одним из самых характерных признаков первобытной дуальной организации, часто, как у ирокезов¹, значительно переживающим другие признаки.

В пользу связи двух жилых массивов Джанбас-калы с дуальной организацией говорит деление на две части, прослеженное нами и на других городищах (Куня-Уаз). Таким образом, перед нами не случайная планировка, а тип, ставший традиционным.

Не меньший интерес представляют данные, выявленные раскопками большого здания, замыкающего единственную улицу Джанбас-калы.

Сейчас это поднимающийся на 4,5 м бугор площадью 40×25 м, с оплывшими очертаниями, со следами планировки внутренних помещений².

Нами раскопана северо-восточная половина здания, состоящего из четырех неравных по размерам помещений, три из которых сообщались между собой. Два из них—комнаты 2 и 2а—сильно разрушены, и функции их трудно определить. Комната 2а была, повидимому, предвходным коридором и отделялась от комнаты 2 деревянной дверью, пята которой в виде камня с полушаровидным углублением была нами обнаружена.

Зато большой интерес представляет небольшая угловая комната I, размером 4×7,25 м. Ровная поверхность пола № I состояла из глиняной обмазки с заметной примесью белой золы. На полу было обнаружено лишь небольшое количество фрагментов античной керамики. Посредине пола оказалось овальное, заполненное песком углубление. Дно углубления состояло из идущих в различных уровнях слоев обмазки и кирпичной кладки.

Пол № I подстилался мощным слоем плотно слежавшейся, минерализованной золы и тонкой (8—9 см), очень темной сажистой прослойкой с небольшим количеством керамики. После сиятия этого слоя обнаружилась планировка пола № 2.

По ЮВ стене комнаты, загибаясь на северо-восточную и юго-западную, шла узкая кирпичная скамья—ок. 40 см высоты. Ее верхнему краю были приданы волнообразные очертания—вероятно, с целью отделить одно сиденье от другого. Середину комнаты занимало правильное овальное возвышение с пологими склонами. Возвышение образовано двумя рядами положенных плашмя больших античных кирпичей (рис. 6).

Тщательность оформления возвышения, фигурная обмазка скамьи, использование золы как строительного материала и странная планировка верхнего пола—все это вместе взятое привело нас к заключению, что перед нами общинное святилище огня. На овальном возвышении, повидимому на металлическом жертвеннике, горел неугасимый огонь Джанбас-калы.

Зола священного огня не выбрасывалась из помещения. Когда ее накопилось слишком много, она была уплотнена, обмазана сверху глиной, а поверхность возвышения для жертвенника оставлена открытой на дне овального углубления.

В пользу этого говорит и выяснение еще более ранней планировки святилища Джанбас-калы. Оказалось, что первоначально жертвенник поднимался значительно выше и круче над уровнем III пола, расположенного на 14 см глубже II пола, под слоем обмазки и вторым сажистым слоем на III полу.

Скамью пола здесь заменяла узкая (в 1,5 кирпича), низкая (в 1 кирпич высотой) вымостка, шедшая по СЗ, ЮЗ и СВ стене. ЮВ конец комнаты занимал широкий кирпичный помост высотой в 1 кирпич, доходивший почти до жертвенника, а у СВ стены—соединявшийся с описанной выше окаймляющей комнату вымосткой. В целом эта древняя планировка оказывается близкой к планировке предполагаемого храма огня во дворе Тешик-кала и к почти тождественной планировке сасанидского храма огня в Шапуре³.

¹ L. H. Morgan, Ancient Society. Chicago (С.-Н. Kerr), стр. 90; «League of the Iroquois», стр. 294.

² См. ВДИ, 1939, № 3.

³ ВДИ, 1939, № 3, стр. 195. О других типах зороастрийских храмов Ирана см. Herzfeld, Archaeological history of Iran. London, 1935, стр. 88—93.

Не меньший интерес представляет расположенная позади описанных трех помещений огромная комната № 4. Размер ее—8×14 м. Пол ее, совершенно гладкий, был покрыт черепками бытовой посуды и разрубленными костями животных. Эта комната, очевидно, была местом многолюдных трапез. Для разъяснения функции этой комнаты и здания в целом большое значение имеет указание ал-Бируни, что во время зороастрийских праздников в Согдиане происходили общественные собрания и коллективные трапезы в «домах огня»¹.

«Дома огня» имелись в каждой деревне, в городе Самарканде их было семь².

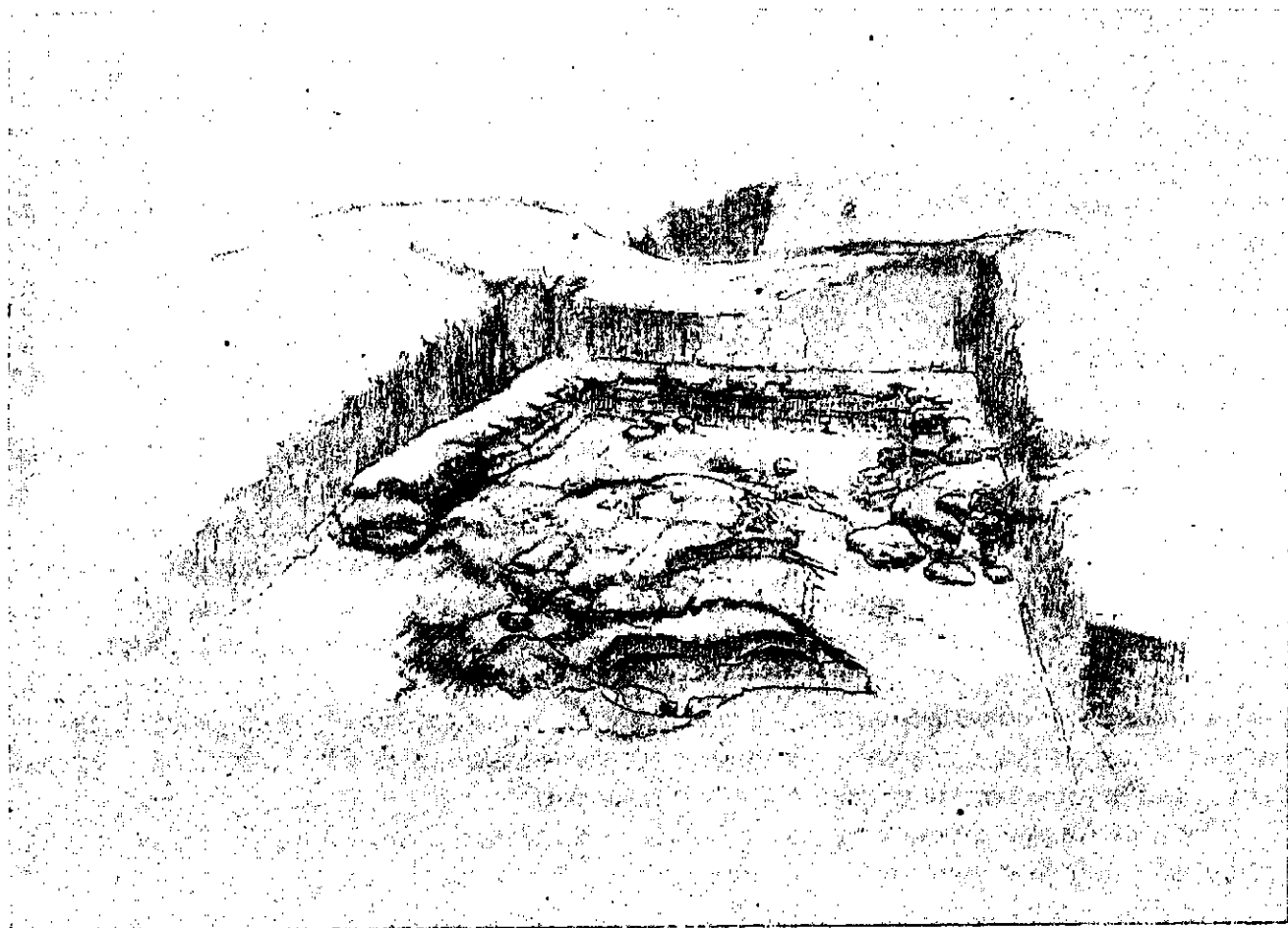

Рис. 6. Святилище «дома огня» Джанбас-калы.
Зарисовка с натуры худ. Н. П. Толстова.

Пережитком «домов огня» ал-Бируни являются «дома огня» (алау-хана) при мечетях у горных таджиков³. Мужчины проводят там свободное время, коллективно доставляя дрова для постоянно горящего большого огня и припасы для совместного питания.

Мы уже сравнивали алау-хана⁴ с так наз. «мужскими домами» первобытных народов⁵.

Эти же «дома мужчин»—они же «общинные дома»—сохранились в «громмах» кафиров Гиндукуша⁶.

Мне думается, Джанбас-кала и описываемые ниже открытые нами на Чермен-ябе

¹ «Chronologie Orientalischer Völker von Alberuni», Herausg. v. Dr. Eduard Sachau. Leipzig, 1923, стр. 234—235.

² К. А. Иностранцев, ЖМНП, 1911, февраль, стр. 290.

³ «Религии народов Средней Азии» в сб. «Религиозные верования народов СССР», I, М., 1931, стр. 258; «Тирания Аброя», ИЗ, III, 1939, стр. 35.

⁴ ИЗ, III, 1939, стр. 35, прим. 3.

⁵ Из большой литературы о «мужских домах» укажу классический труд Г. Шурца «Altersklassen und Männerbünde», Berlin, 1902, и его же «Историю первобытной культуры», перев. Смирнова, под ред. Клеменца, стр. 104 сл.

⁶ G. Robertsoп, The Kafirs of the Hindu-Kush. London, 1896, стр. 479, 483, 493—497. На связь «громмов» с «мужскими домами» указывал уже Шурц (цит. соч., стр. 284).

более древние городища, восходящие к ахеменидской эпохе, решают вопрос о природе той «тысячи бактрийских городов», о которой говорит нам, сообщая о событиях середины III в. до н. э., Трог Помпей (XII, 4), о тех семи приаксартских «городах», которые брал Александр и в одном из которых обитал «сильный род Мемакенов» (Метасепі, Курций, VII, 10), о тех 70 городах, которые нашел в Фергане в конце II в. до н. э. Чжан-Цянь¹, о тех «многочисленных городах Бактрии», о которых говорит автор V в. до н. э., Ктесий (Диодор, II, 5—6).

Это—укрепленные деревни больших родовых общин, нашедшие свое отражение еще во II фаргарде Вендидада, в описании укрепленной квадратной «Вары», куда спускаются люди от страшной зимы—среднеазиатской заместительницы всемирного потопа.

Расцвет городской жизни, высокое развитие ремесл, искусства, говорящие о далеко зашедшем общественном разделении труда, несомненное существование классов и сильных государств—все это находится в противоречивом единстве с тем косным неподвижным пьедесталом хорезмийского общества ахеменидской и кангюйской эпохи, который представляют собой сохранившие чрезвычайно архаические черты общественной организации сельские общины, обитающие за глиняными стенами больших деревень.

У. АЯЗ-КАЛА

Совершенно иной тип поселения вступает в несколько более позднем комплексе трех крепостей Аяз-Кала.

Развалины комплекса Аяз-Кала (рис. 7) расположены на вершине и у подножия обрывистой к югу возвышенности—одного из холмов, продолжающих Султан-Уизда на восток. На север уходит пологий склон, переходящий в занесенную песками равнину. Вершину Аяз-калинской скалы венчают прекрасно сохранившиеся развалины крепости Аяз-кала № 1 с мощной стеной со сводчатым ходом в основании и типичной для античного Хорезма стрелковой галереей с частыми высокими бойницами. Вдоль стен часто расположены полукруглые башни, образующие на углах характерное сочетание двух башен в форме ласточкина хвоста. Полукруглая форма башен, сближающая их с афригидскими укреплениями, заставляет относить Аяз-калу № 1 к середине или к концу кушанского времени (II—IV вв. н. э.).

У склона Аяз-калинской скалы расположена крепость Аяз-кала № 2, представляющая собой памятник двух эпох—кушанской и афригидской (рис. 8). Овальная крепость, составляющая ядро крепости, построен, видимо, во время, близкое к постройке Аяз-калы № 1, являясь разнovidностью описанного мной в отчете 1938 г.² дома-замка типа Кызыл-калы и Кузы-Крылган-калы. Однако в афригидское время к основному зданию была присоединена прямоугольная пристройка, и верхняя часть самого здания была перестроена и декорирована полуколоннами, делающими Аяз-калу № 2 одним из наиболее эффектных произведений ранне-афригидской архитектуры.

У подножия холмов расстилаются обширные, сильно занесенные песками, такыры, на которых расположены остатки поселения, представляющего совокупность примыкающих друг к другу обширных дворов, обнесенных кирпичными стенами. Площадь одного из дворов среднего размера—двора № 1, подвергнутого нами раскопкам, составляет около 9 000 кв. м. Внутренность дворов, как правило, совершенно пустая, и в шурфах во дворе № 1 мы напрасно искали признаков культурного слоя. У одной стороны двора обычно располагается значительных размеров многокомнатное здание.

Повидимому, все поселение представляло собой единый, единовременный комплекс, датируемый, на основании обнаруженных в культурном слое дома во дворе № 1 монет Канишки и находок монет на такыре, II в. н. э. Селение существовало, судя по культурному слою дома двора № 1, сравнительно недолго.

Повидимому, Аяз-кала № 1, занимающая важное стратегическое положение на подступах к Хорезму и имеющая вынесенную далеко на восток сторожевую башню, являлась крепостью кушанского правительства.

¹ Цянь-Хань-Шу, цзюань 123, стр. 3а.

² ВДИ, 1939, № 3, стр. 190.

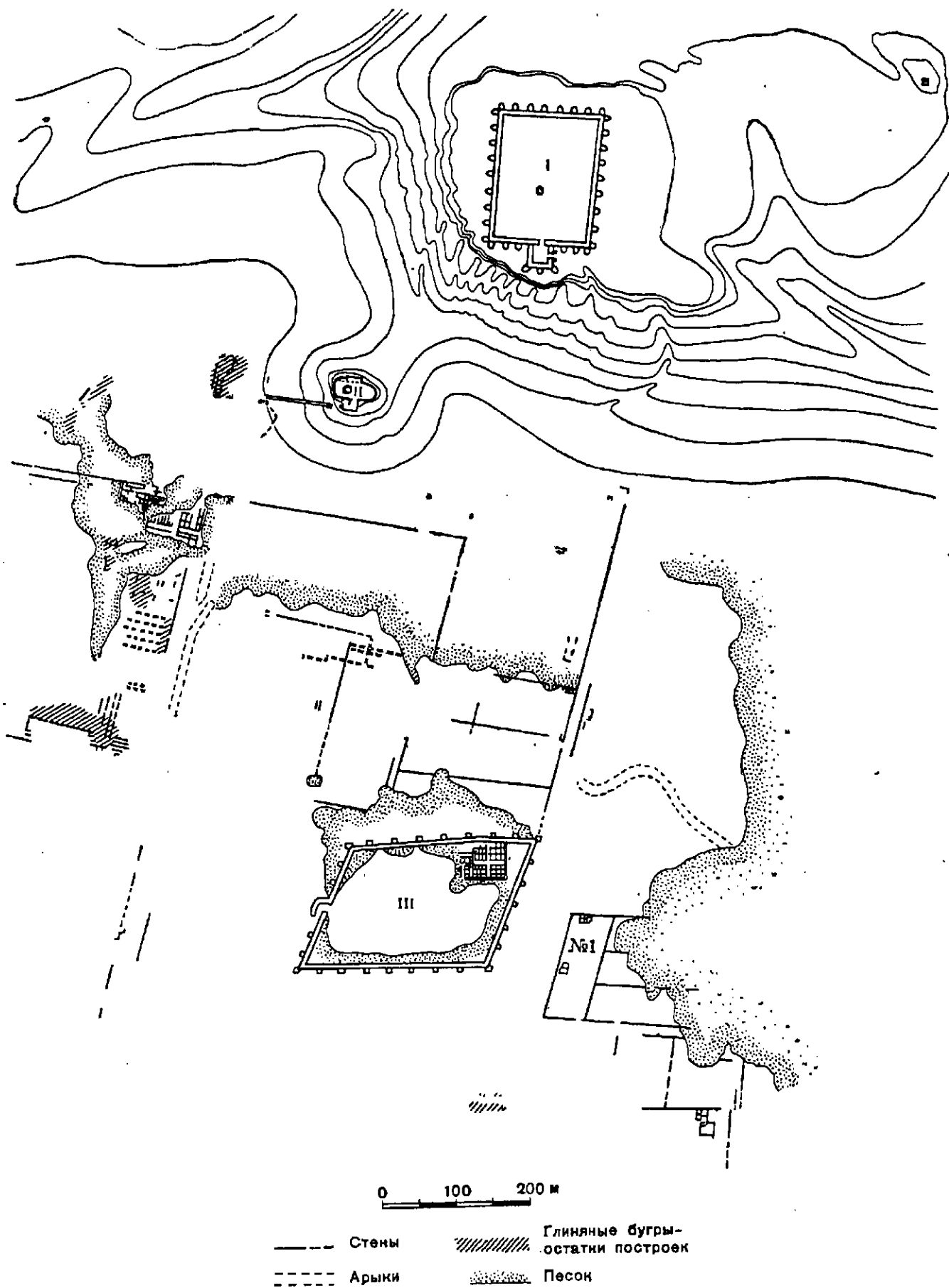

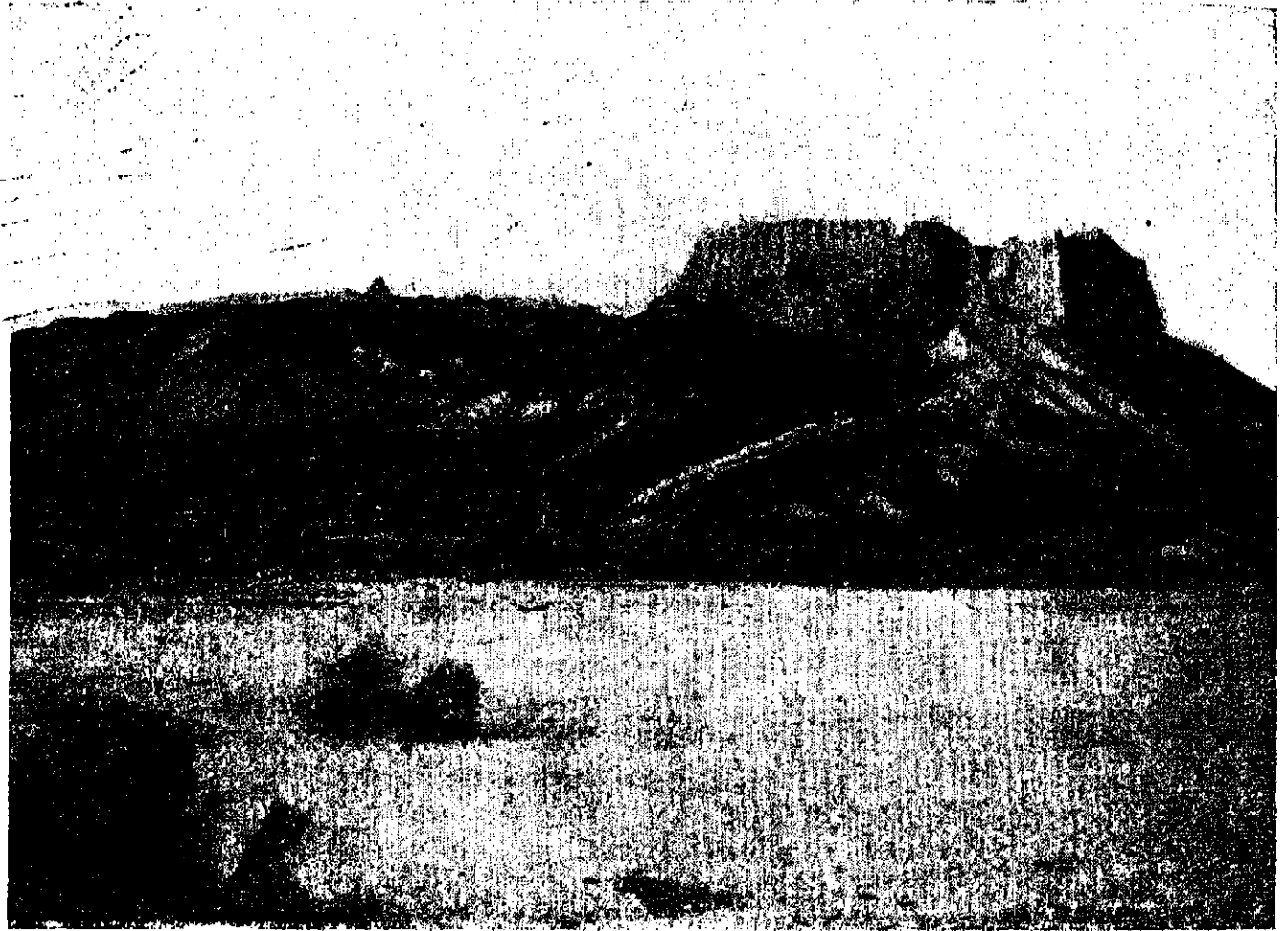
Рис. 7. Комплекс Аяз-кала. Схематический план.
Глазомерная съемка худ. Н. П. Толстова.

Гарнизон размещался в сводчатых помещениях в основаниях стены. Крепость могла служить убежищем для обитателей окрестных селений.

Находки в крепости, наряду с античной, также керамики XI—XIII вв. убеждают в том, что и во времена «великих хорезмшахов» Аяз-кала была пограничным укреплением Хорезма.

Крепости Аяз-калы № 2, № 3 и безыменные развалины большого здания в западной части селения, повидимому, являлись усадьбами трех наиболее могущественных аристократических фамилий селения.

Остальные усадьбы принадлежали большим патриархальным семейным общинам земледельцев.

Рис. 8. Общий вид на Аяз-кала № 2 и Аяз-кала № 1.

Таким образом, по сравнению с типом поселения кангюйского времени, отраженным в Джанбас-кала, произошли крупные изменения.

На смену большому общинно-родовому укрепленному поселению типа Джанбас-калы здесь уже пришли отдельные большие семьи—видимо, близкие к типу античной familia, живущие в больших домах отдельными, хотя еще связанными друг с другом усадьбами.

Резко обособился слой аристократических фамилий, усадьбы которых господствуют над поселением.

Я полагаю, что этот процесс выделения сильных фамилий из общинного поселения начинается очень рано. На это указывают укрепленные большие дома около Базар-кала, Кой-Крылган-кала и Кюнерли-кала. Однако ко времени расцвета кушанской империи уже и рядовые общинники расселились большесемейными усадьбами.

Селение Аяз-кала расположено на хвостовой части большого арыка, идущего с юго-запада от развалин Кават-кала.

Раскопки, проведенные нами в Аяз-кала № 3 и в жилом доме двора № 1, дали материалы для истории быта и архитектуры кушанского Хорезма.

Разборка пола и расчистка фундамента дома в Аяз-кала № 3¹ вскрыли весьма интересную картину субструкций этого здания.

Цоколь здания образован лежащим на поверхности такыра большим, возможно естественным, барханом, который был закреплен обсыпкой строительным мусором—комьями глины и обломками кирпичей. Этот мусор был обильно полит водой, и глина, сцементировавшись с песком, образовала чрезвычайно прочный песчаникообразный панцырь, превратив бархан в цоколь здания. На нем возвели стены из крупного античного квадратного кирпича.

На высоте 1,40 м над основанием стен были настланы полы. Структура их не менее любопытна. Образованные нижними частями внешних и внутренних стен клетки до высоты 1,40 м были наполнены песком. Поверх этого песка был насыпан слой строительного мусора, сцементированного водой с песком в песчаникообразную корку толщиной около 45 см. Лишь поверх этой корки была положена глиняная обмазка полов.

В итоге—здание получило исключительно устойчивую и долговечную субструкцию. Этот строительный прием был общераспространенным в античном Хорезме (ср. Кюнерли-кала, Кюзели-гыр, античные стены Змукшира-Замахшара).

Большой дом в Аяз-кала № 3 с трех сторон—кроме стороны, примыкающей к внешней стене,—имел небольшие квадратные башни, выступающие посредине стен. Одна из этих башен была раскопана.

Выступающие посредине стен большого укрепленного дома-замка квадратные башенки—характерная особенность архитектуры этого времени (ср. ниже Кюнерли-кала и Кызыл-кала)². Усадьба № 1 в Аяз-кала представляет собой неправильный четырехугольник, длиной 150 м и шириной 60 м, окруженный кирпичной стеной. Северная часть усадьбы занята большим, во всю ширину двора, зданием. С севера на юг оно имеет ок. 20 м.

Посредине двора была небольшая, сильно разрушенная постройка.

В средней части главного здания нами был заложен раскоп 12 × 18 м, захвативший пять комнат и часть примыкающего к внешней стене усадьбы коридора (рис. 9).

Стены комнат сохранились на высоту до 1,60 м. Они были сложены из сырцового кирпича с сильной примесью самана, размером 40 × 40 × 10 см. На многих кирпичах имеется тамга в виде латинского S, тождественная с верхней частью тамги Афригидов и с тамгой надчеканки на кушанских монетах, находимых в окрестностях Аяз-калы.

Возможно, что это тамга ранних представителей Афригидской династии, начавших проявлять себя надчеканкой своей тамги на кушанских монетах.

Здание, как показали раскопки, несколько раз подвергалось перепланировке. Самый старый план пока неясен.

Полы до конца были вскрыты в комнатах № 2 и № 5. Первоначально обе эти комнаты были хозяйственными хранилищами, пол которых был покрыт закромами в форме ванн различных размеров, глубиной от 30 до 60 см. Аналогичная «ванна» была обнаружена в углу комнаты № 4. В последний период жизни дома «ванны» были покрыты двойным слоем плотной глиняной обмазки. В углу комнаты № 5 было устроено глиняное возвышение—своего рода суфа,—повидимому, место для трапез. Характерно, что именно здесь было сделано наибольшее количество находок раздробленных костей животных и фрагментов бытовой посуды.

К бытовым функциям была приспособлена и комната № 2. Лишь в северном углу, в круглой яме был поставлен огромный хум (пифос).

Бытовой была и комната № 1—со следами костра в центре и широкой низкой суфой у ЮВ стены.

Хозяйственным хранилищем являлась комната № 3. Весь пол ее был изрыт частыми смыкающимися ямами, в которых сохранились разбитые пифосы. Было найдено большое количество и более мелких хозяйственных и бытовых сосудов.

¹ Внешнее его описание см. ВДИ, 1939, № 3, стр. 185—186.

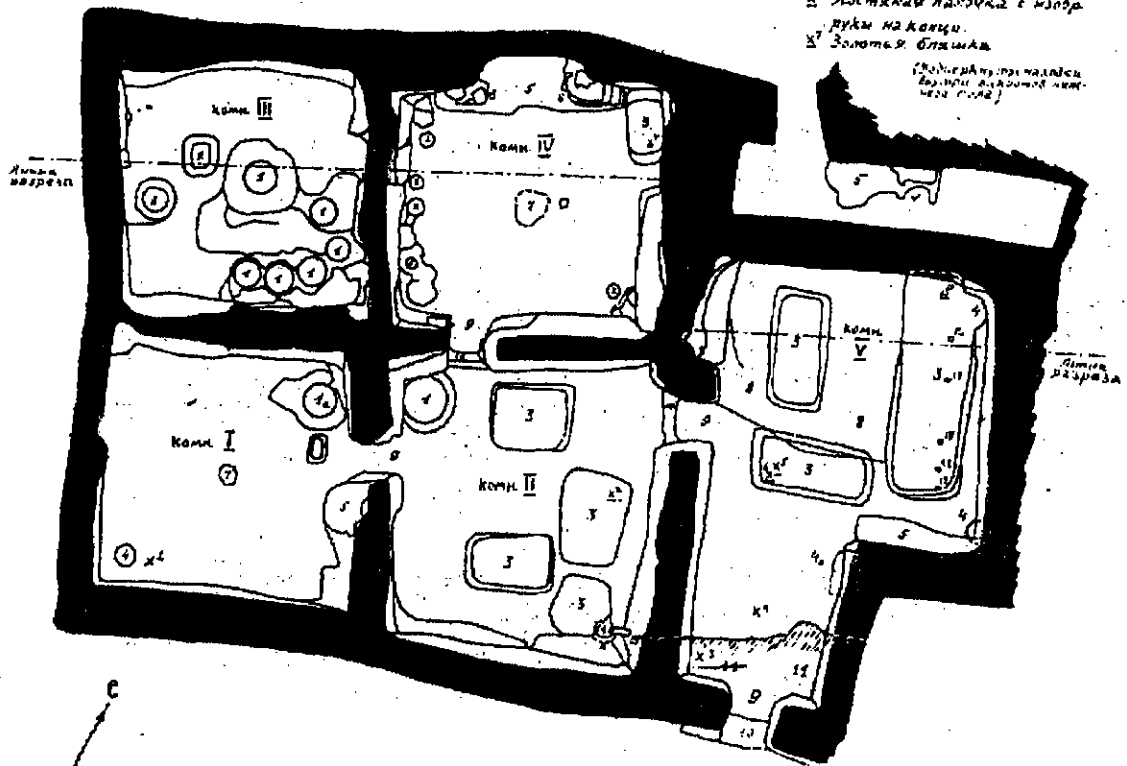
² Там же, стр. 190 и рис. 13 на стр. 187.

Комната № 4 выделяется своей архитектурой. Посредине были следы небольшого очага. Вдоль смежной с комнатой № 3 стены шел ряд небольших углублений для вкапывания маленьких сосудов, Фрагменты некоторых из них оказались на месте, Такие же

Разрез по комнатам 3-5

План.

- х Важнейшие находки:
 х¹ Хуманская монета
 х² Хуманская монета.
 х³ Лазиченный стрелы.
 х⁴ Терстена
 х⁵ Хостяная палочка.
 х⁶ Хостяная палочка с изобр.
 руки на конце.
 х⁷ Золотая бляшка.

(Восстановлено на основе
 данных архивной фото-
 метрии)

Аяз-кала. Дом № 1
 Раскоп.

Масштаб 1:10

1. Яма для хлеба.	6. Пилястры
2. Яма для хлеба 24 пола	7. Открытые очаги
3. Яма для мелких сосудов.	8. Возвышение первого пола.
4. Зверота нижнего пола	9. Овери. 10. Пороги.
5. Пляндир.	11. Уходкица под стеной для того обозначения 12. Яма 1 ^я пола

Всё сфотографировано
 в 1939 г.

Рис. 9. Аяз-кала. Дом № 1. Раскоп. Обмеры архитектора В. И. Пилявского и научного сотрудника Л. А. Ельницкого.

ямки были в южном углу. СВ стена имела посредине нишу, подчеркнутую с боков двумя выступающими вперед кирпичными пилястрами. Дно ниши было приподнято на 0,5 м над полом. Комната производит парадное впечатление. Ниша являлась, вероятно, «почетным местом», аналогичным нише в парадной комнате № 8 жилой башни Тешик-калы¹.

¹ ВДИ, 1939, № 3, стр. 193, рис. 18 на стр. 192.

Комнаты были некогда перекрыты высокими эллиптическими сводами.

В большинстве комнат были обнаружены тандыры—небольшие ульевидные печи, врубленные в полу или в стене. Наоборот, открытые очаги оказались далеко не во всех жилых комнатах дома. В этом существенное отличие от афригидских домов, где тандыр—сравнительно редкое явление и обычно, как в Тешик-кале, изготовлен из старого хума.

Среди находок в Аяз-кале отмечу кости животных, типичную для кушанского времени керамику, мелкие стеклянные, бронзовые и сердоликовые бусы, бронзовые перстни с овальным глазком (в отличие от афригидских, имеющих круглый глазок), две кушанские медные монеты царя Канишки, время правления которого датируется разными исследователями от 78—123 гг. н. э. до 125—150 гг. н. э.¹

В комнате № 1 монета была найдена на верхней поверхности пола, в комнате № 2—на дне ванны-закрома, перекрытого обмазками двух полов. Это позволяет считать период жизни постройки сравнительно кратковременным—в пределах нескольких десятилетий.

Большой интерес представляет находка в одном из закровов комнаты № 5 двух костяных заостренных палочек (табл. III, рис. 1—2) с резными головками. Вероятно, перед нами стили для письма.

В комнате № 4, также на дне закрома, обнаружена золотая бляшка с овальным, хорошо отшлифованным «индийским альмандином» (табл. III, рис. 3). Она очень близка синхроничным произведениям ювелирного искусства северного Причерноморья.

Найдена также трехгранная бронзовая скифская стрела поздне-эллинистического типа.

Из находок на такырах стоит отметить 3 фрагмента алебастрового сосуда с орнаментом из ритмически повторяющихся схематически трактованных женских фигур (табл. III, рис. 4).

Тематическое и стилистическое сходство этого орнамента с широко известным орнаментом русских и карельских вышивок является важным звеном в цепи культурных параллелей между Восточной Европой и Хорезмом.

VI. БОЛЬШОЙ БЕРКУТ-КАЛИНСКИЙ КАНАЛ И ЗАМОК № 36

Третий год экспедиция продолжает исследование зоны мертвого канала, орошавшего окрестности крепости Беркут-кала, расположенной в центре «земель древнего орошения» Кара-Калпакской АССР.

Работы 1939 г. слагались из: 1) продолжения описания зоны канала и 2) стационарных раскопок (для Турткульского музея) одной из укрепленных усадеб этой зоны—замка № 36, открытого Я. Г. Гулямовым в 1938 г.

Зона канала между развалинами Кум-баскан и Уй-кала была густо заселена в кангюйско-кушанское, а может быть, и более раннее время. Свидетельством этого является большое количество античной—преимущественно красной—керамики, в числе которой в обилии попадаются донышки конических и пиалобразных чаш, ручки кувшинов, закраины хумов, а также античные статуэтки, печати, бусы и бронзовые стрелы скифского типа. Местами на плоскости такыра выступают

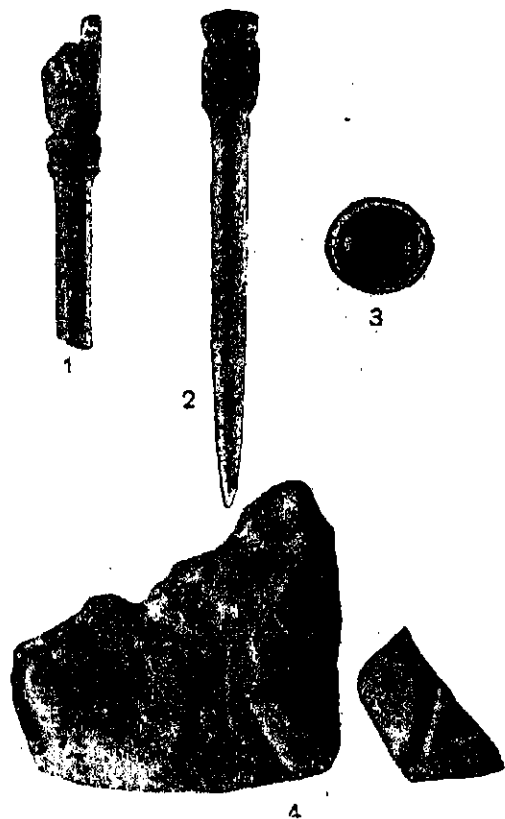

Таблица III. Предметы из Аяз-калы. ($\frac{1}{2}$ н. в.)

¹ L. Vallée-Poussin, L'Inde aux temps des Mauryas et des barbares, grecs, scythes, parthes et yue-tchi. Paris, 1930, стр. 343 сл.

и следы стен зданий. Это—поселения, разрушенные и распаханые в афригидскую эпоху.

Некоторые крепости вдоль канала были основаны в кангюйско-кушанскую эпоху (например, Беркут-кала, Уй-кала, Кум-баскан-кала).

Однако все эти крепости перестроены в афригидскую эпоху, и поэтому их вид характерен для памятников этого времени.

Расцвет жизни на Беркут-калинских такырах падает на VII—VIII вв.

В Беркут-калинском оазисе—несколько групп мелких замков, тяготеющих к определенным крупным замкам и определенным крупным ответвлениям большого канала. Большие замки располагаются близ голов этих ответвлений.

Идя с юга на север, мы видим на левом берегу канала группу Кум-баскан-калы, а на правом—группу замка № 41 (сохранились два замка).

Далее следует Тешик-кала, контролирующая крупное правое ответвление большого канала и группу в 16 замков. Повидимому, замок № 32 являлся центром 8 замков, вытянутых в две линии.

Беркут-кала, с прилегающим к ней небольшим посадом, зародышем городка, контролировала, повидимому, 4 ответвления канала (одно—выше крепости и три—ниже) и объединяла группу в 25 замков.

Особую группу представляли 7 левобережных замков, расположенных между № 9 на юге и № 58 и 59 на севере.

Замки № 14 и 57, возможно, принадлежали к левобережной группе 9 замков, центром которой являлся № 84.

На правом берегу, несколько ниже, находится состоящая из 7 замков группа замка № 60, канал которой, повидимому, занесен песками (см. план, рис. 10).

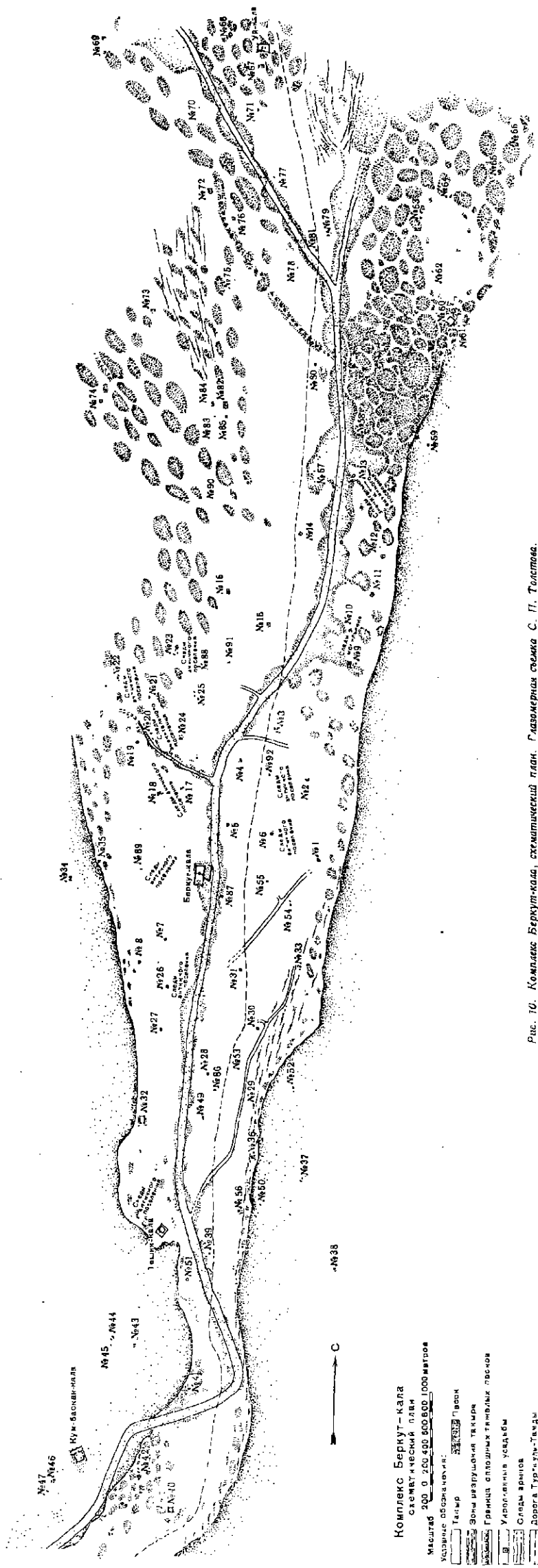
И, наконец, крайняя, северная группа из 14 замков имеет центром Уй-кала. Она расположена по большому левому ответвлению основного арыка и по идущему параллельно ему небольшому каналу.

В целом—мы видим как бы намек на известную иерархию замков. Вероятно, перед нами отражение иерархического расчленения родовых общин, распадающихся на большесемейные домовые общины, впоследствии перерастающего в иерархическое расчленение феодального поселения. Недаром и в самом типе афригидского расселения мы можем видеть переход к типу, господствующему в средневековом Хорезме.

Арабское завоевание положило конец жизни Беркут-калинского комплекса. Об этом говорит почти полное отсутствие керамических и монетных находок мусульманского времени в этом районе при исключительном обилии находок эллинистического и афригидского времени. Лишь немногие замки продолжали жить в XI—XII вв. Полное отсутствие средневековой керамики на такырах вокруг них говорит за то, что только некоторые из наилучше сохранившихся замков были использованы для пограничных постов, наблюдавших за пустыней и прикрывавших Хорезмский оазис со стороны Дженда и Бухары. Аналогичные спорадические находки керамики XII—XIII вв. были сделаны нами в 1938 г. и на ряде развалин эллинистического времени, в результате чего мы можем восстановить направление пограничной линии ранне-средневекового Хорезма. Она начиналась у Ангкакала, далее шла через замок № 8 близ Беркут-калы, на замок № 60, затем—на север, по Беркут-калинскому каналу, к развалинам Кырк-Кыз, далее—на запад, к Аяз-кала № 1. Последняя, воздвигнутая в кушанское время, была прочно обжита в XII—XIII вв., однако никаких признаков культуры этой эпохи на окружающих крепость такырах не найдено.

Сейчас можно поставить вопрос о локализации исторически зарегистрированных каналов аму-дарьинского правобережья, прежде всего главного канала этой части Хорезма—Гаухорэ.

Расстояние 12 фарсахов (=около 70 км) между Кятот и Гаухорэ, несомненно, взято ал-Истахри от города до головы канала по побережью реки, на этом участке мало отличающемуся от современного. Тогда начало Гаухорэ придется на северо-западную часть Питнякской Луки (Тюя-Муюн), примерно против Питняка. Другим указанием для

Комплекс Беркут-каиа
 Сельскохозяйственный план
 Масштаб 1:200 000 (1:200 000 500 000 1 000 000 метров)

Условные обозначения:

- Тельер
- ▭ Песок
- ▨ Зоны нарушения тектоники
- ▤ Граница спелых тайных лесов
- ▥ Урожайная усадьба
- ▧ Следы арчов
- ▩ Дорога Тур-урь-Тельер

Рис. 10. Комплекс Беркут-каиа, схематический план. Газомерная съемка С. П. Толстова.

локализации головы Гаухорэ является показание того же ал-Истахри¹, помещающего теснину Абукша в 3 фарсах, т. е. в 18 км, от Гаухорэ, вверх по реке.

Нельзя согласиться с В. В. Бартольдом², отождествлявшим эту теснину с тесниной Дульдуй-Атлаган, расположенной километрах в 60 выше Питняка. Гораздо вероятнее видеть в Абукша Тюямуюнскую теснину и предполагать, что Гаухорэ отходил от Аму-Дарьи не особенно далеко от места ответвления современных каналов как правого, так и левого берега. Для нашего вопроса представляет интерес другое свидетельство ал-Истахри; «от Гаухорэ отходит, когда он пройдет 5 фарсахов, канал, называющийся Карих³, он оживляет часть рустаков⁴. Если предположить голову Гаухорэ близ истока Су-Иргана, то точка на расстоянии 5 фарсахов (=30 км) от предполагаемой головы Гаухорэ придется как раз, примерно, на место, где в настоящее время ответвляется от Шураханского канала («Пахта-арна») арык Таза-багъяб, орошающий земли, прилегающие к развалинам Гульдурсун.

В целом все это приводит нас к выводу, что основным отличием от современности была большая длина древних каналов и, в соответствии с этим, некоторая сдвинутость головы системы к югу. Как сейчас мы имеем основной канал Пахта-Арна и три его главных ответвления—Амир-Абад, Таза-багъяб и Кельте-Минар,—так и в древности мы имели основной канал Гаухорэ, соответствующий, видимо, каналу Пахта-Арна-Амир-Абад и орошавший зону памятников Джильдык-кала, Кават-кала, Кызыл-кала, с ответвлением к Аяз-кала, и два ответвления—Карих, соответствующий, видимо, Таза-багъябу и орошавший линию Гульдурсун, Беркут-кала, Кырк-кыз, Кургаши-кала, и остающийся безыменным канал, соответствующий, повидимому, нынешнему Кельте-Минару и орошавший зону развалин Эрес-кала, Ангка-кала, Базар-кала, Джанбас-кала.

Процесс запустения шел не столько с севера на юг, вверх по каналам, сколько с востока на запад. «Древний Кельтеминар» перестал функционировать уже в конце эллинистического времени, в то время как жизнь сохранилась почти на всем протяжении Кариха (древний Багъяб) в течение всего афригидского времени. После арабского завоевания выбывает из строя почти весь Карих за исключением его верхней части—до Гульдурсуна, в то время как Гаухорэ (древний Пахта-Арна-Амир-Абад) продолжал функционировать на всем протяжении вплоть до монгольского завоевания.

Перейдем к результатам раскопок.

Большой интерес представляет структура донжона замка № 36. Жилые его помещения подняты на мощный пахсовый цоколь, высотой ок. 5 м, внутри которого находились два расположенных перпендикулярно друг к другу сводчатых помещения образующих вместе фигуру в виде буквы Т. Коробовый свод № 1 идет параллельно СВ стене донжона и открывается наружу на ЮВ стене у ее восточного угла низкой круглой аркой. Пол свода № 3 образует довольно круто поднимающийся пандус, ведущий через круглую арку, заключенную между двумя массивными кирпичными пилонами, в комнату № 4 верхнего этажа замка.

Верхний этаж состоял из пяти небольших комнат,—судя по характеру находок, бытового назначения. Вопрос о шестой комнате остается неясным. Все пять комнат имеют сходный план. У СВ узкой стены их располагаются невысокие кирпичные лежанки. В комнате № 1, у ЮВ стены, обнаружен небольшой глиняный тандыр. В комнате № 6, посередине,—остатки открытого очага.

Для датировки важны находки фрагмента саманидского фельса на верхнем полу комнаты № 1 и серебряной монеты хорезмшаха конца VIII в. Абдаллаха⁵—в комнате № 6.

¹ ВГА, I, 1304; МИТТ, стр. 180.

² «Орошение» стр. 80.

³ Так у С. Волина в МИТТ, стр. 179, у В. В. Бартольда, Гирье («Орошение», стр. 80).

⁴ ал-Истахри, ВГА, I, стр. 301.

⁵ ВДИ, 1938, № 4. Пользуемся случаем уточнить датировку. В предварительной заметке в КСИИМК эта монета нами была ошибочно (до расчистки) приписана Шаушафару, правившему несколько раньше (середина VIII в.).

Все в целом дает возможность датировать замок самым концом афригидского времени (VIII—X вв.).

Общие наблюдения над памятниками «земель древнего орошения» Кара-Калпакской АССР заставляют верить указанию, даваемому медной монетой, и считать, что афригидская культура в мало измененном виде доживает до конца X в., когда начинает складываться комплекс XI—XIII вв.,

*Рис. 11. Усадьба № 36. Жилая башня.
Вид из свода № 1 на входную арку.*

который можно назвать «хорезмшахской культурой». В городах этот процесс мог идти и несколько быстрее, и характерная для хорезмшахского времени черная бытовая керамика со шипковым рельефным орнаментом могла получить распространение и в X в.

Большой интерес представляет перекрытая куполом низкая пристройка с ЮЗ стороны донжона замка № 36.

Это—квадратное помещение, $4,5 \times 4,5$ м, своеобразной кладки, в которой слои кирпича чередуются с прослойками пахсы высотой в 20—30 см. Комната не имеет двери. Вход в нее ведет через узкий, неправильной формы пролом у южного угла ЮВ стены. Комната оказалась совершенно пустой. Вдоль ЮЗ стены ее шла узкая кирпичная лежанка. Середина комнаты была занята овальной ямой, $1,5 \times 1,8$ м, прорубленной сквозь

тонкий в этом месте такыр до подстилающего песка. Над ямой и на полу лежал слой, состоявший из соломы, прутьев, овечьего помета, многочисленных кусков дерева—отрезков бревен и палок различной величины—и комьев глины разного размера. Все это на высоте 0,5 м над нижним полом было перекрыто четырьмя слоями обмазки верхнего горизонта пола, настланного заподлицо с поверхностью описанной выше суфы.

Можно было бы предположить, что пристройка являлась овечьим хлевом. Однако это мало вяжется с ее своеобразной архитектурой. Отсутствие двери, вход через пролом, отсутствие внутреннего архитектурного оформления, кроме ямы и узкой скамьи,

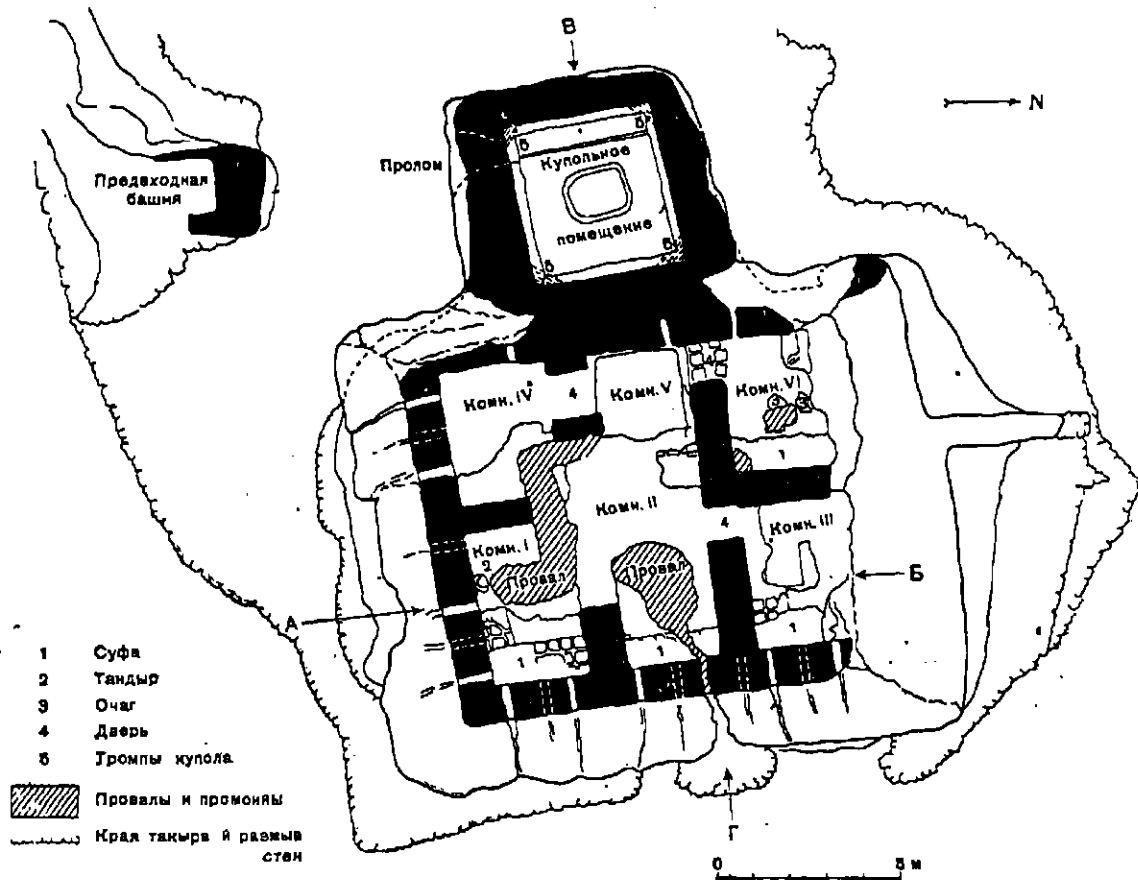

Рис. 12. План II этажа жилой башни, усадьба № 36.

в сочетании с подчеркнута торжественным оформлением перекрытия комнаты приводят нас к предположению, что здесь мы имеем предусмотренное зороастрийским ритуалом помещение (так наз. «ката») для еще не разложившихся трупов, если в силу каких-либо причин они не могут быть сразу вынесены на открытое место.

В VIII фаргарде Вендидада читаем: «В этом месте верующие пусть выроют ров, глубиной в полфута, если земля тверда, и в половину человеческого роста, если она мягка, и затем положат на это место пепел или коровий навоз, сверху кирпичи, камни или очень сухую землю; там поместят они бездыханное тело на две ночи, на три ночи, на месяц...»¹.

Мне думается, что структура слоя купольной пристройки замка № 36 вполне увязывается с этим. Вход через пролом также связан с известным зороастрийским обычаем выноса трупа из дома через специально сделанный пролом в стене².

В пользу этой гипотезы говорит и другая деталь погребального ритуала—обнаруженное в комнате № 3, в северном углу верхнего этажа донжона, целое кладбище крупных прямоугольных алебастровых оссуариев на высоких ножках. Повидимому,

¹ Цит. по К. Иностранцеву, О древнеиранских погребальных обычаях и постройках, ЖМНП, 1909, март, стр. 99—100.

² Цит. соч., стр. 100.

костики умерших членов обитавшей в замке большесемейной общины складывались в оссуарии, которые ставились внутри замка, в комнате № 3.

Наблюдение, сделанное в замке № 36, подтвердилось наблюдениями на других замках. Фрагменты оссуариев были найдены на территории больших замков Беркут-кала и Уй-кала и малых замков № 57 и 58 (ср. также Топрак-кала и Джанбас-кала).

Из бытовых находок в замке № 36, помимо афригидской керамики, костей домашних животных, косточек плодовых деревьев, разнообразных зерен культурных растений, пополнивших собранную в 1937—1938 гг. коллекцию¹, нужно отметить находку целого кожаного башмака, деревянного веретена и, прежде всего, фрагмент тонкого белого войлока, покрытого сплошной вышивкой цветными шерстяными нитками со спиральным рисунком (рис. 13).

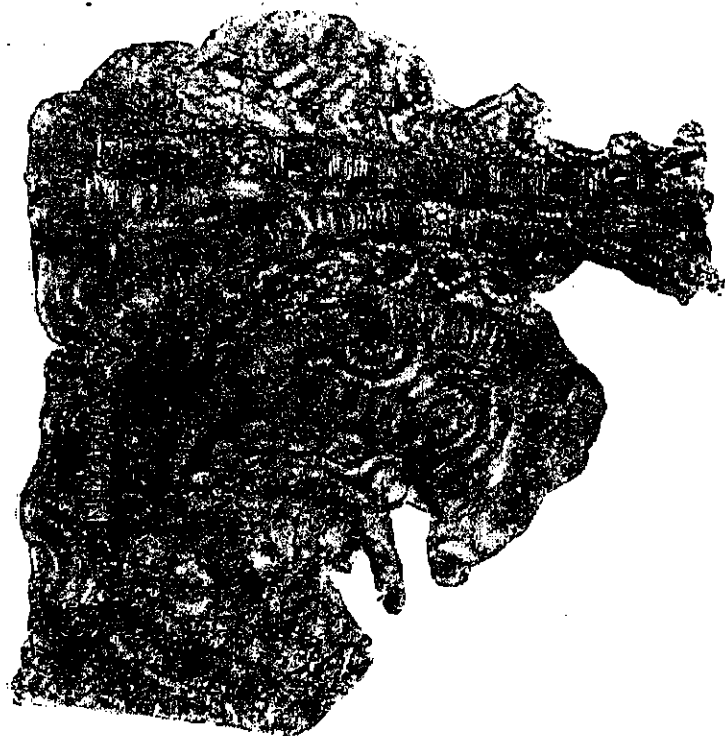

Рис. 13. Фрагмент вышитой кошмы из усадьбы № 36.

VII. ЧЕРМЕН-ЯБ

В 30 км к западу от гор. Ташауза, на границе культурных земель, расположены развалины крепости Змукшир (средневековый хорезмийский город Замахшар), исследованные экспедицией ГАИМК 1934 г.² Этими развалинами открывается зона «земель древнего орошения» Ташаузской обл. ТССР. С севера она скармляется старым руслом Аму-Дарьи—Дауданом. На запад от него

ответвляется система больших каналов, наиболее крупным из которых является большой ЮЗ арык, Чермен-Яб.

Направление Чермен-Яба оставляет пока ряд неясностей.

Русло большого канала начинает проследиваться в 10 км к СЗ от колодцев Чагыл, откуда оно уходит в западном направлении. Эти данные заставляют нас предполагать, что направление канала наиболее правильно показано на десятиверстке 1905 г.

На меридиане крепости и колодцев Кызылча арык разветвляется, обходя с двух сторон невысокую обрывистую возвышенность Гяур-Кыр, тянущуюся на юг до Гяур-калы.

Нами была прослежена южная, повидимому основная, ветвь канала, орошавшая своей хвостовой частью урочище Хатыб-Кую—земли древнего орошения крепости Гяур-кала, перед которой канал круто поворачивает на запад.

Как и арыки правого берега, Чермен-Яб функционировал, несомненно, уже в середине I тысячелетия н. э.

Кангюйско-кушанской эпохой датируются наиболее удаленная вглубь пустыни крепость Гяур-кала, Калалы-Гыр № 2, Кюнерли-кала, городище Куня-Уаз и большая крепость Шах-Сенем. Керамика этого времени была обнаружена нами и на городище Змукшир, основание которого, судя по кирпичной кладке нижней части стен, относится также к античности. Таким образом, и здесь подтверждается установленное для правобережья³ и прослеживаемое для других районов Средней Азии положение⁴,

¹ ВДИ, 1939, № 3, стр. 193.

² M. V o u e v o d s k y, A Summary Report of a Khvarizm Expedition, «Bulletin of the American Institute for Iranian Art and Archaeology», vol. V, № 3, 1938, стр. 235 сл.

³ С. П. Толстов, ВДИ, 1939, № 3.

⁴ М. Е. М а с с о н, КСИМК, 1940, V.

что максимального развития ирригационная сеть Средней Азии достигает в кангюйско-кушанскую эпоху.

Античные городища Чермен-Яба обнаруживают наряду со сходством с городищами правобережья также и отличия, объясняемые и хронологической разновременностью и локальными особенностями культуры.

Как и в правобережье, античные крепости Чермен-Яба имеют мощные двойные стены из крупного сырцового кирпича, с часто расположенными стреловидными бойницами. В качестве более древнего типа выступают здесь также прямоугольные башни, расположенные на углах парами в форме «ласточкина хвоста» (Калалы-Гыр № 2).

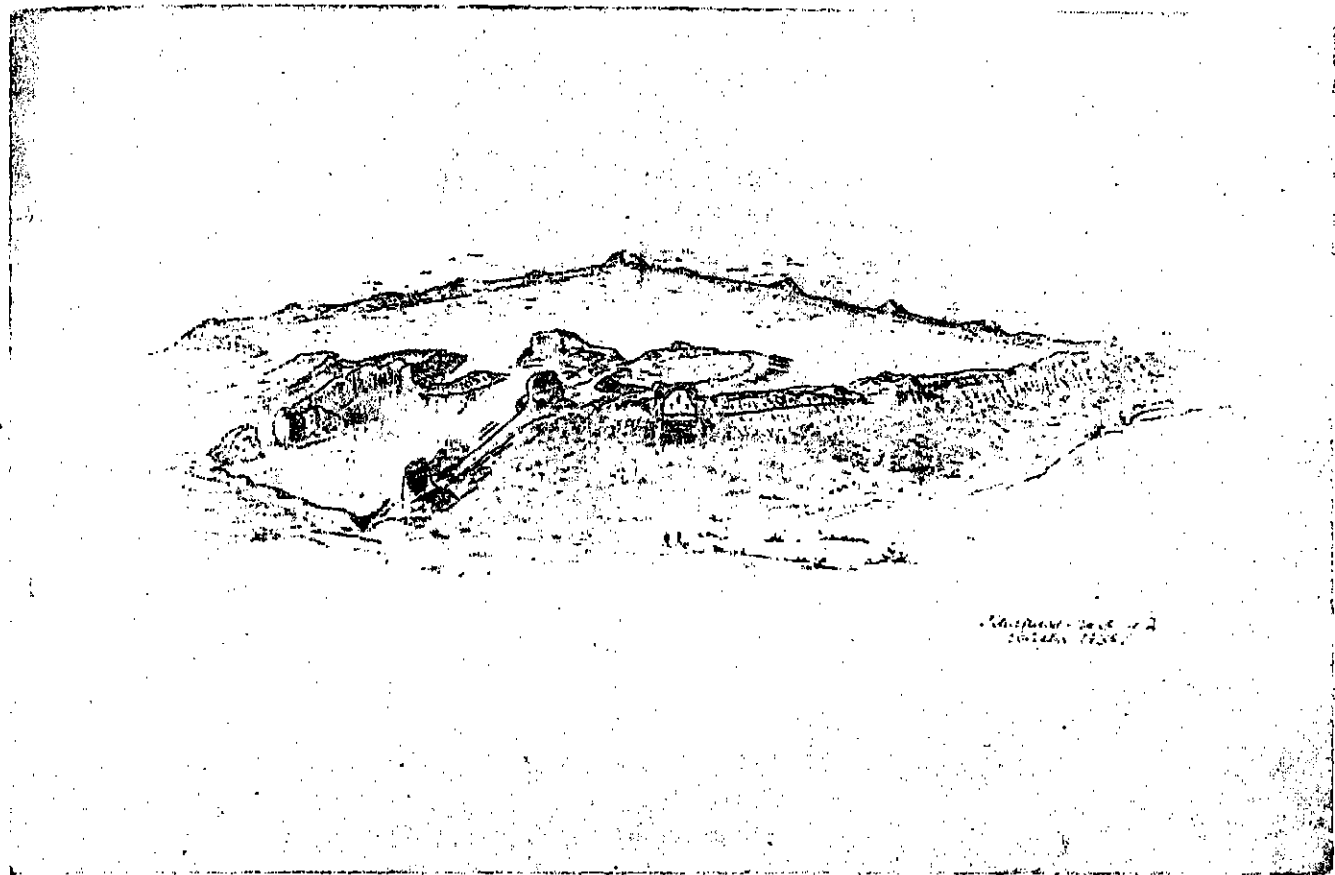

Рис. 14. Калалы-Гыр № 2. Перспектива. Рис. худ. Н. П. Толстова.

Позднее они сменяются полукруглыми башнями и защитой углов при помощи угловых башен. Ворота также защищены сложными предвратными лабиринтами.

Однако кирпич, при общих с правобережьем крупных размерах, характеризуется отсутствием стандартной величины.

Бойницы во всех памятниках значительно ниже, чем в правобережье, и являются переходными к типу бойниц афригидского времени. Отличия в форме бойниц и особенности устройства лабиринтов мы склонны считать отличиями хронологическими и связывать их с последними этапами истории античного Хорезма, относя их к III—IV вв. н. э., ко времени начала перехода от кангюйско-кушанской к афригидской культуре.

Наиболее близкими к правобережным памятникам кангюйско-кушанского времени являются крепости Кюнерли-кала и Калалы-Гыр № 2. Это в одинаковой мере относится и к керамике и к архитектуре. Кюнерли-кала, расположенная километрах в пяти на запад от Змукшира, — это большой квадратный дом-замок типа Кызыл-калы. Как и Аяз-кала № 3, он воздвигнут на вершине укрепленного глиной песчаного бархана, имеет двойную стену, внутри которой шел сводчатый ход, три характерные башенки посередине стен, предвратный лабиринт в форме неправильного четырехугольника. Внутри, как и в домах-замках правобережья, большое количество комнат. Своеобразна увенчивающая крепость четырехметровая [массивная глиняная башня, от которой происходит и название «Кюнерли-кала».

Достаточное представление о Калалы-Гыр № 2 дает рис. 14. Калалы-Гыр № 2 имеет расположенное в СЗ углу крепости большое (24 м в диаметре) круглое здание, которое, по аналогии с Джанбас-кала, вероятнее всего считать культовым.

Две половины разделенного внутренней стеной на две равные части городища Куня-Уаз соответствуют двум жилым массивам Джанбас-калы (рис. 15). Городище это расположено на северном ответвлении Чермен-Яба в сильно обжитом в позднеантичное время районе.

Отметим особо крепость Гяур-кала (рис. 16), господствующую над хвостовой частью Чермен-Яба. Городище расположено на склоне невысокой возвышенности. Вдоль длинных стен с округлыми башнями тянутся в 2—4 ряда примыкающие к стене однотип-

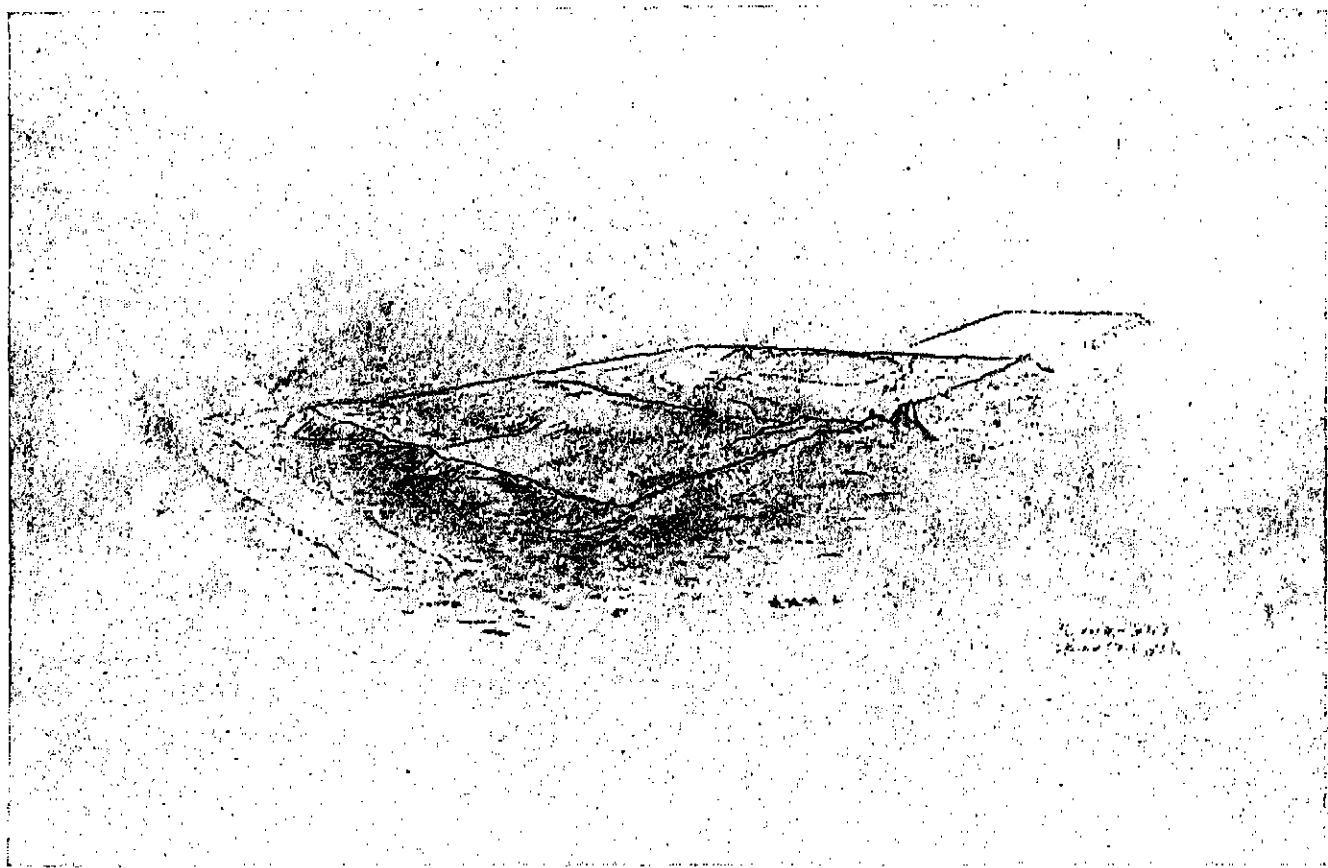

Рис. 15. Куня-Уаз. Перспектива. Рис. худ. Н. П. Толстова.

ные комнаты. Вершину холма занимает небольшая цитадель поздне-кушанского типа, совершенно пустая внутри.

Огромные городища Кюзели-Гыр и Калалы-Гыр № 1 расположены на вершине больших холмов, ограничивающих с севера долину Чермен-Яба. Второе из них—прямоугольное (1000×720 м), первое—неправильной формы, повторяющей очертания холма (наибольшая длина—1 км, ширина—400 м).

Внутренняя площадь городищ почти лишена признаков жилья. К северной стене Калалы-Гыра изнутри примыкают развалины большого многокомнатного кирпичного погребального здания. На его поверхности найдены фрагменты глиняных оссуариев, а в шурфе, заложенном в одной из комнат,—погребения в хуме. Тонкостенные, украшенные лепным орнаментом в виде жгутов с косыми насечками оссуарии сходны с оссуариями Миздахкана¹ и согдийскими оссуариями. Кюзели-Гыр и Калалы-Гыр № 1 резко отличаются от остальных крепостей тем, что стена у них не двойная, а четверная и тройная с трехметровыми проходами между каждыми двумя рядами стеной кладки.

В Кюзели-Гыр нижняя часть внутрстенных проходов содержит мощный и богато насыщенный культурный слой. Проходы в нижней части стены имели не боевое, а жилое

¹ Якубовский, ЗКВ, V, стр. 564.

назначение. Это дало нам основание выделить эти городища в особую группу, названную нами «городищами с жилыми стенами».

Характер керамики Кюзели-Гыра, сделанной на ручном круге и сопровождаемой находками стрел скифского типа, восходящего к V в. до н. э., позволяет считать эти городища наиболее ранними из нашей серии, возможно—восходящими к ахеменидскому времени. В пользу этого положения говорит характерная поверхность сосудов, изборозженная горизонтальными рубцами и близко напоминающая поверхность металлических сосудов ахеменидской эпохи.

Эпоха расцвета афригидской культуры VII—VIII вв. н. э. ни в развалинах, ни в подъемном материале почти не представлена на Чермен-Ябе. Повидимому, сокращение культурной полосы в эпоху раннего средневековья здесь носило значительно более катастрофический характер, чем на правобережье. Не связано ли это с переносом на восток центра политической жизни Хорезма в афригидское время, когда столицей Хорезма становится Кят? Для кангюйского времени китайские источники говорят, что центром Хорезма является Ургенч-Юегянь (Цянь Хань-шу). Если правильна идентификация Захау: Ургенч — Урва Авесты, то Ургенч был центром Хорезма и в докангюйское время.

Нумизматические материалы Хорезма¹ позволили нам уже три года назад поставить вопрос о связи ранне-афригидской и эфталитской чеканки. Может быть, в свете этих данных не столь уже невозможна будет старая гипотеза Лерха—Веселовского о связи с Хорезмом первоначального ядра эфталито-кидаритского государства². Правобережье Аму-Дарьи—«эфталитская сторона» par excellence у арабских авторов; левобережье—зона длительных войн между среднеазиатскими «гуннами» и сасанидским Ираном. Не в этом ли ключ и к тому, что на правом берегу, где, очевидно, более быстро и бурно шел процесс смены кушанской культуры афригидско-эфталитской,

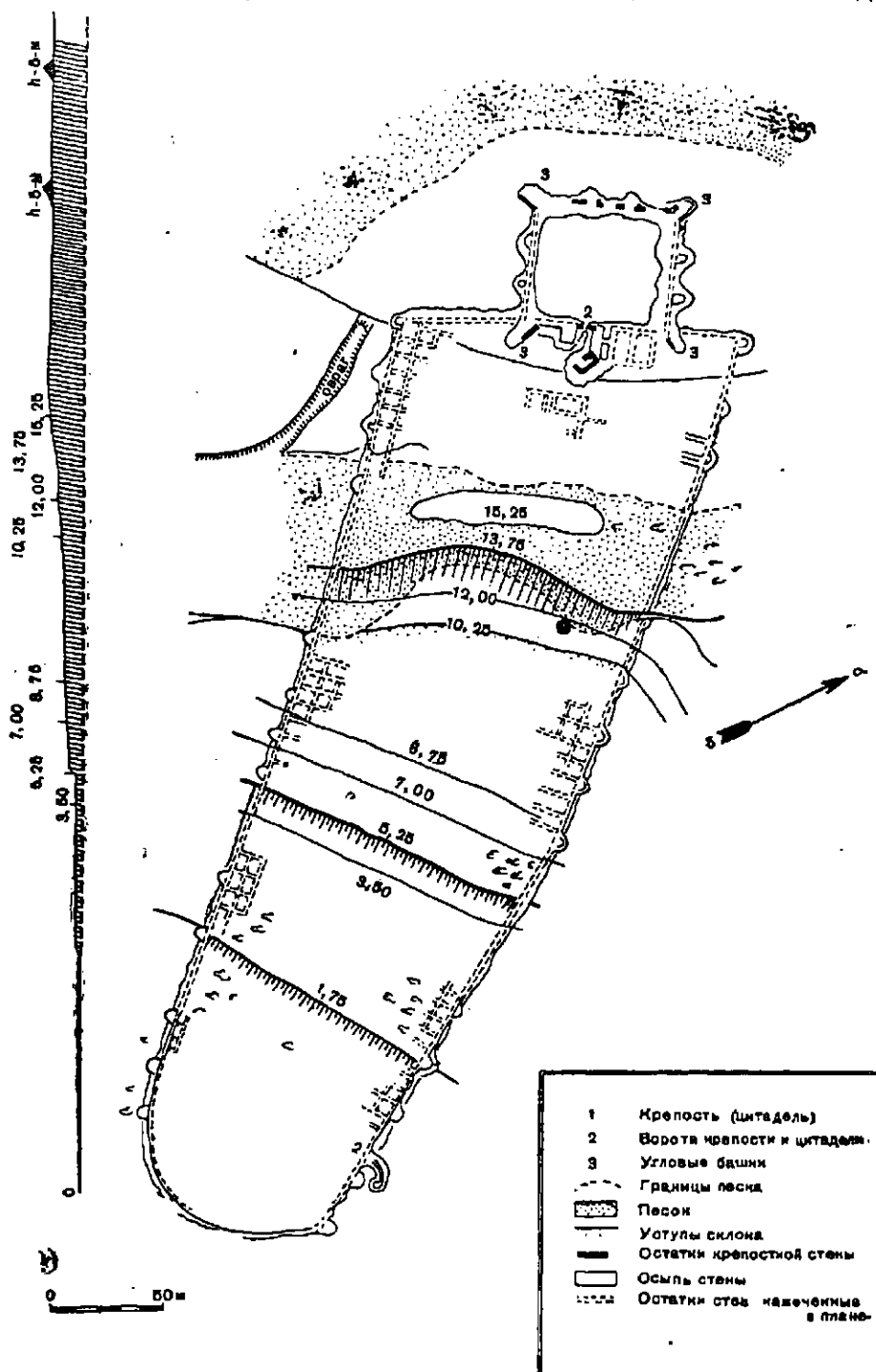

Рис. 16. Гяур-кала. Схематический план. Обмеры С. П. Толстова и С. С. Гасанова.

¹ С. П. Толстов, ВДИ, 1938, № 4, стр. 128.

² Н. Веселовский, Очерки историко-географических сведений о Хивинском ханстве. Спб., 1887.

жизнь античных развалин обрывается на более ранней дате, но зато особенно пышно расцветает афригидская культура? Между тем на левом берегу, дольше сохраняющем традиции античного Хорезма, позднекушанская культура сменяется длительным периодом упадка и катастрофического запустения колоссальных площадей орошенных земель.

Но тем более бурным и мощным оказывается на левобережье подъем средневековой хорезмийской культуры XI—XIV вв. Русло Чермен-Яба вновь наполняется водой. Культурная полоса не достигает, правда, своих античных пределов—крепости Гяуркала,—но включает ближайшие к ней развалины Шах-Сенем. Древняя Шах-Сенемская крепость подвергается перестройке и приспособливается для нужд нового населения. Рядом с ней строится, частью из старого материала, эффектная укрепленная

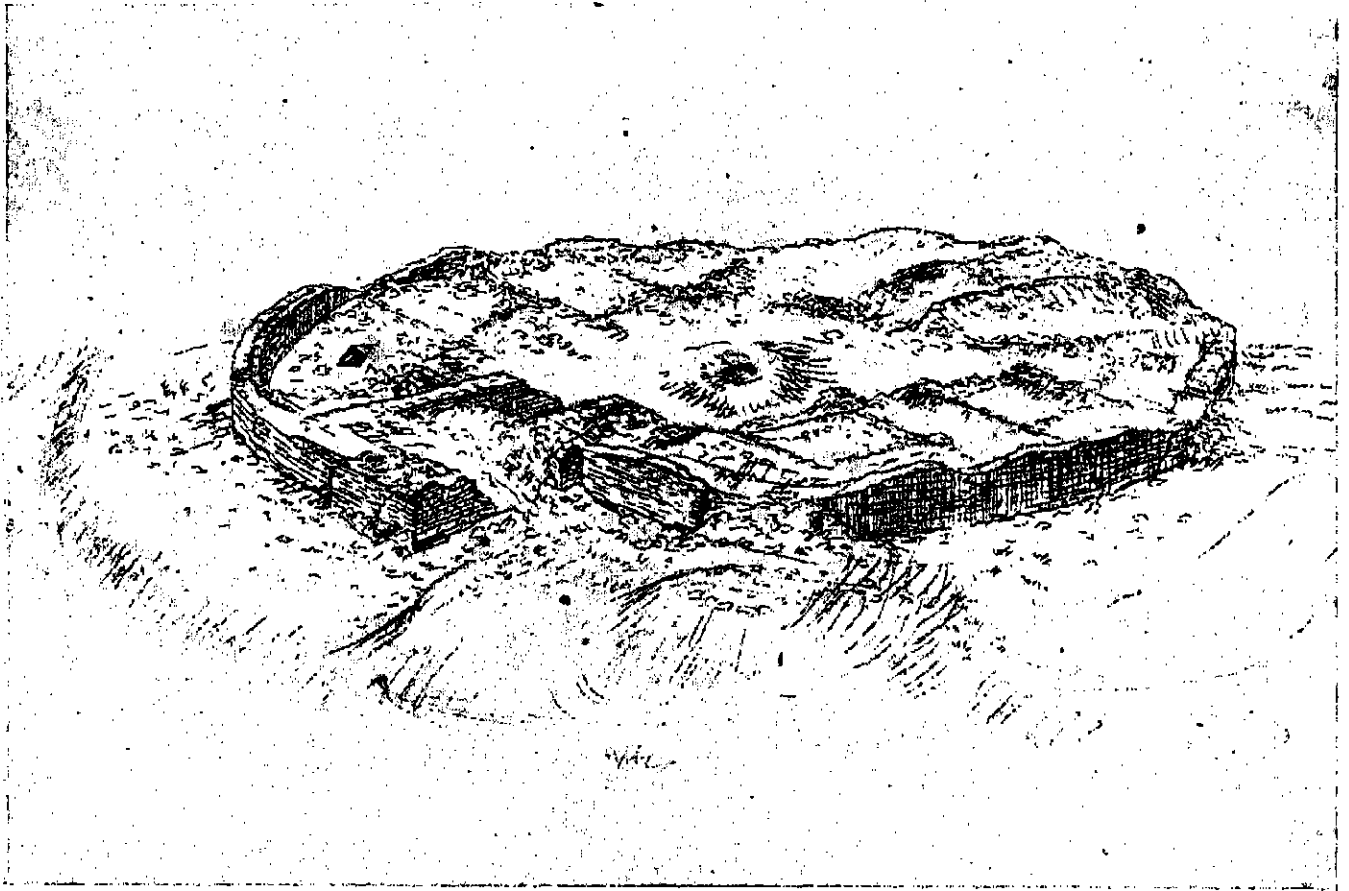

Рис. 17. Дзу-кала. Перспектива. Рис. худ. Н. П. Толстова.

усадьба Шах-Сенем № 2. Заново строятся крепости Кызылча и Даудан, становящиеся, как и Шах-Сенем, центрами густо заселенных рустаков. Коренным образом перестраивается Змуқшир. Жизнь расцветает на его такырах и на такырах Куния-Уаза.

Последний из обследованных нами памятников—Дзу-кала—крепость, датируемая хорезмийской керамикой XII—XIII вв. Он представляет собой небольшой круглый форт (диаметр—51,5 м), окруженный мощной (до 2 м толщины) стеной из огромных (до 96×53, при толщине 16 см) плит тесаного камня. В середине дворик с колодезем, окруженный карре каменных жилых помещений для гарнизона.

Расположение Дзу-кала заставляет видеть в нем форпост военной экспансии поднимающегося Хорезма против центрального и западного Хорасана.

В Кызылча-кала и Шах-Сенем любопытны покрывающие на большую высоту стены близ ворот и внутренность башен многочисленные, часто повторяющиеся тамгообразные знаки. Наиболее частые—тройная развилка, крест с поперечными чертами на концах, круг, полукруг, знаки в виде П и др.

Думаю, что возможны и некоторые топонимические заключения в отношении Чермен-ябской зоны развалин.

Арабские писатели X в. среди каналов левобережной части Хорезма называют—в порядке с Ю на С—каналы Хазарасп, Кардаран-хас, Хива, Мадра и Вадак¹. Наи-

¹ Истахри, 302—303, МИТТ, стр. 179.

большой интерес для нас представляет канал Мадра, который, по Истахри, был «в два раза больше Гаухорэ». Истахри указывает дальше, что по этому каналу «плавают суда до Мадра». Трудно пока локализовать этот последний пункт (может быть, одна из развалин к югу от Тахта)¹, но в системе современных крупных каналов юго-западного Хорезма этому каналу соответствует ближе всего канал Газават, идущий сейчас далее Тахта, почти достигая Эмукшира, и наиболее близко доходящий своими низовьями до прослеживаемых верховьев Чермен-Яба.

Вполне возможно, что функционировавшая в X в. часть Чермен-Яба носила название Мадра по имени города, расположенного тогда в конце его судоходной части.

С несколько большей определенностью мы можем говорить о локализации одного из пунктов, часто называемых средневековыми географами и хронистами, несомненно расположенном в низовьях Чермен-Яба. «При Якуте,—писал В. В. Бартольд,—на пути из Гурганджа в Шахристан и Неса (т. е. в среднюю часть южной Туркмении.—С. Т.) последним местом Хорезма был населенный городок Субурна, находящийся от Гурганджа в 20 фарсах»².

Якут упоминает этот пункт дважды под двумя вариантами названия: Субурна³ и Субарни⁴.

Под именем Субурли (سوبرلی)—явное географическое искажение سوبرلی Якута—мы встречаем этот городок, с указанием расстояния от Гурганджа в 20 фарсах, у Ибн-ал-Асира⁵ под 1172—73 годом.

Последним населенным пунктом между Гурганджем и Шахрастаном на основной караванной-магистрале было в XI—XIII вв., по данным наших разведок, поселение, развалины которого известны ныне под именем Шах-Сенем. Расстояние по прямой от Куня-Ургенча до Шах-Сенем—около 85 км (14 фарсахов). Если мы учтем, что расстояние это должно быть, конечно, увеличено за счет отступлений пути от прямой, что современная кратчайшая караванная дорога от Куня-Ургенча до Шах-Сенем,—вероятно, более короткая, чем средневековая, так как идет по пустынной местности,—насчитывает около 100 км, разница в указанном у Сам'ани-Якута расстоянии Субурна—Гургандж с расстоянием Шах-Сенем—Куня-Ургенч будет уже не столь велика.

VIII. СРЕДНЯЯ АМУ-ДАРЬЯ

Разведки по правому и левому берегу Аму-Дарьи дали значительные результаты для характеристики исторической динамики южных границ Хорезма.

Прежде всего, можно считать установленной южную границу античной хорезмийской культуры. На правом берегу она не поднималась выше развалин Топрак-кала и небольшого квадратного античного городища Даш-кала № 2.

На левом берегу граница античного Хорезма спускается гораздо южнее. Самым южным памятником кангюйско-кушанской культуры здесь является одна из двух крепостей Коша-кала.

Согласно единогласному свидетельству арабских авторов, культурная полоса Хорезма на левом берегу в ранне-мусульманское время начиналась с города Тахирии. В. В. Бартольд отождествлял этот пункт с развалинами Кетменчи⁶. Но они оказались только укрепленным постом—рабатом или караван-сараям. С. А. Ершов вполне осно-

¹ Никаких сведений о гор. Мадра, кроме приведенного выше упоминания, у арабских авторов нет. См. В. В. Бартольд, *Орошение*, стр. 81. Лишь у Сам'ани (МИТТ, стр. 399) мы встречаем вскользь упомянутый пункт с названием Мадри Кат; причем первое слово ввиду отсутствия огласовки может с одинаковым успехом читаться Мадра. В этом сочетании название ассоциируется с именем селения Батыр-Кент, близ Тахта.

² Бартольд, *Орошение*, стр. 87.

³ Якут, изд. Wüstenfeld, III, 32, МИТТ, I, стр. 423.

⁴ Якут, III, 182, МИТТ I, стр. 424. Ср. Сам'ани у Бартольда, *Туркестан*, стр. 153.

⁵ Ибн-ал-Асир, изд. Tornberg, XI, 247, МИТТ, I, стр. 404.

⁶ «Орошение», стр. 79, «Туркестан», II, стр. 142.

вательно идентифицирует с Тахирией развалины города Дая-Хатын, уже существовавшего в ранне-мусульманское время¹.

Культура правого берега в эту эпоху началась от города Гарабхашна, расположенного ниже верховьев Гаухорэ². Это положение как будто полностью подтверждается нашими материалами. Выше Тюя-Муяна нам не удалось обнаружить никаких следов поселений периода, отделяющего кангюйско-кушанское время от времени возвышения средневекового Хорезма.

Основная масса памятников как правого, так и левого берега относится ко времени XI—XIII вв., скорее даже к XII—XIII вв., времени «великих хорезмшахов».

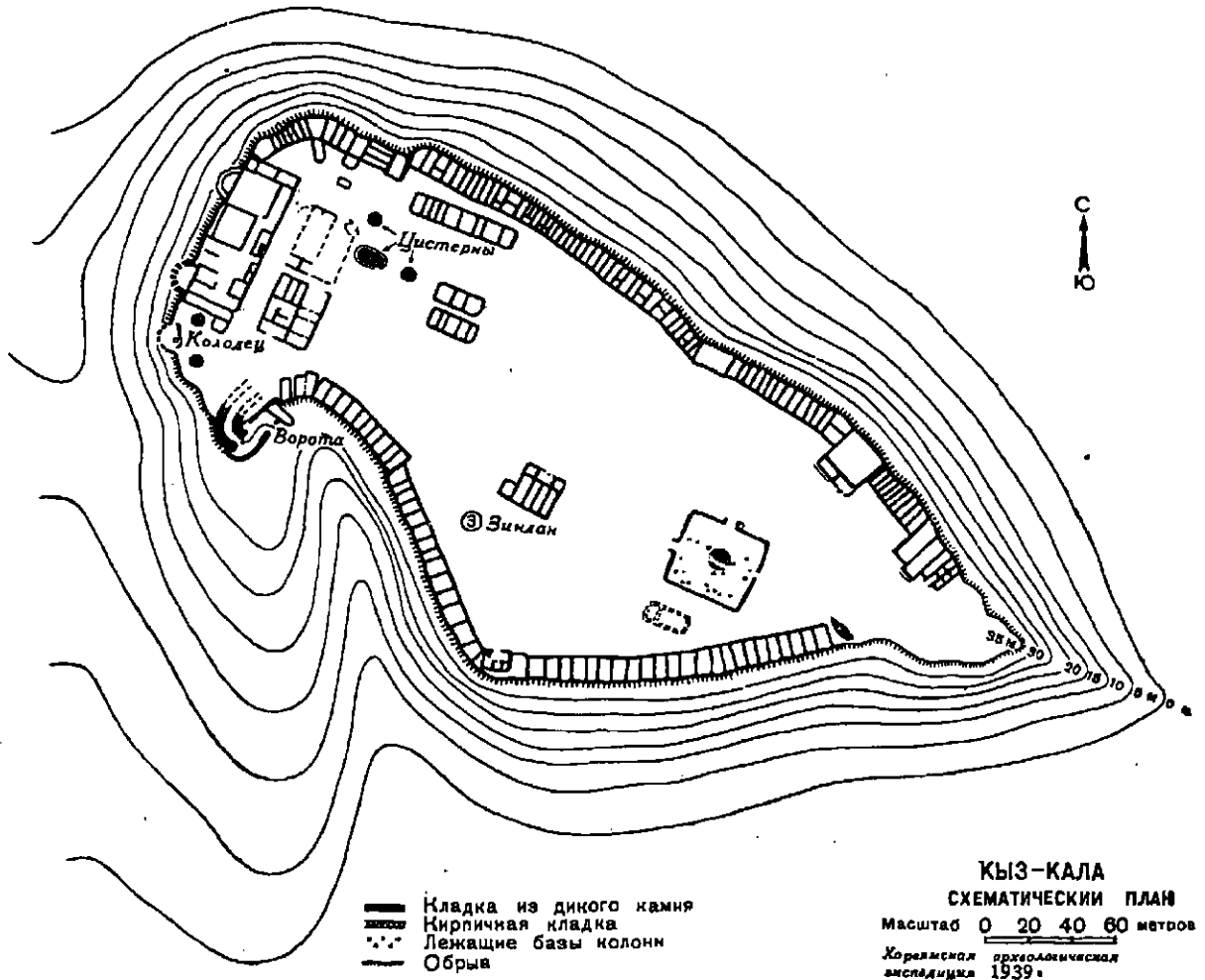

Рис. 18. Кыз-кала. Схематический план. Обмер С. П. Толстова.

Чаще всего это небольшие однотипные, как бы построенные по одному плану четырехугольные пахсовые крепости со слабыми остатками культуры. Таковы: Кок-огуз, Кукертли, Сартараш, Эшек-Рабат.

Наиболее значительным, своеобразным и эффективным из развалин правого берега является комплекс Кыз-кала—Йигит-кала, на границе Узбекской и Туркменской ССР.

Плоскую вершину одной из останцовых возвышенностей, господствующей над прибрежной полосой, занимает громадная крепость Кыз-кала (рис. 18), неправильной подтреугольной формы. Длина 420 м, наибольшая ширина 180 м.

Стены крепости, толщиной 1,5—2 м, сложены из дикого камня, из неправильных глыб песчаника, положенных на глиняный раствор. Сохранившаяся высота стен не превышает 1,5—2 м. Однако, судя по сохранившемуся возле ворот останцу, первоначально стена достигала высоты около 10 м. Ворота защищены закругленным предвратным сооружением. В крепость ведет высокая стрельчатая арка из жженого кирпича,

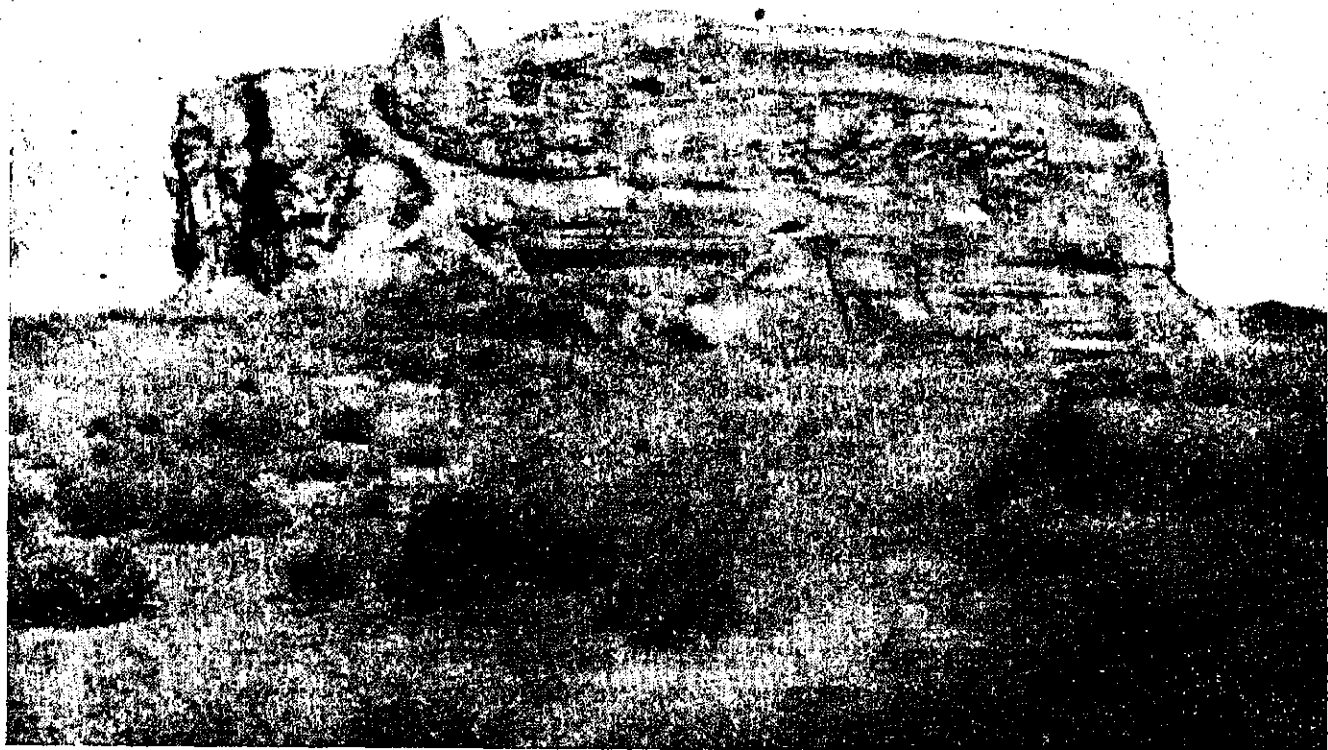
¹ Еще раньше на возможность такой идентификации указывал А. А. Марушенко, «Туркменоведение», 1930, № 12, стр. 16.

² Бартольд, Туркестан, II, стр. 143; Орошение, стр. 81; МИГТ, I, стр. 179.

наполовину разрушенная. За аркой опять идет изогнутый в виде спирали проход на двор крепости.

Вдоль стен крепости тянутся многочисленные помещения из дикого камня, очевидно для гарнизона. Особенно застроен СВ конец городища. На южном выступе городища расположены развалины мечети.

На площади городища расположено пять цистерн различных размеров, круглой и овальной формы и высеченная в толще скалы, куполообразно расширяющаяся книзу, подземная тюрьма—зиндан.

Рис. 19. «Арк» крепости Устык.

Стены крепости не имеют башен, за исключением СЗ стены, где склон более пологий и низкий. Здесь имеются три башни—две из дикого камня и одна из жженого кирпича.

Расположенная посередине стены каменная башня с пятью бойницами имеет характерные для хорезмийской архитектуры этого времени, расположенные между бойницами, полукруглые полуколонны. Это—первый случай гофрировки в каменном материале.

В кирпичной башне обнаружен выложенный из жженого кирпича колодец, засыпанный до глубины 16,25 м. От него к реке тянется полоса глиняных оплывших бугров, расположенных на расстоянии 40—50 м друг от друга. На большинстве бугров найдены фрагменты керамических водопроводных труб. Это позволяет заключить, что колодец Кыз-калы снабжался водой из подведенного от реки водопровода. Голова водопровода была защищена расположенной на берегу реки, сложенной из дикого камня, прямоугольной крепостью. Йигит-кала.

Комплекс Кыз-кала был, повидимому, важным стратегическим пунктом «великих хорезмшахов» в их наступлении на Мавераннагр.

В заключение упомяну о развалинах крепости Устык (рис. 19), расположенных на правом берегу, на расстоянии около 25 км вниз по течению от Чарджоу. Крепость относится уже к древнему оазису Амуля-Фараба.

Центр крепости представляет собой изолированно стоящую песчаниковую скалу, высотой около 20 м. Скале искусственно придана отвесность так, что она представляет собой гигантский высеченный из песчаника цилиндр.

На 4—5 м выше скалы поднимается оплывший глиняный бугор разрушенной крепости с мощным культурным слоем. На вершину скалы ведет изгибающийся в 4 марша глиняный пандус.

Неправильной формы площадка вокруг скалы, площадью 200×200 м, окружена сильно обвалованной стеной с воротами против пандуса и следами рва с противоположной стороны.

Керамические находки свидетельствуют о том, что Устыкский «арк» существовал уже в кангюйско-кушанское время. Помимо этого, налицо керамика афригидского типа, средневековая и современная, свидетельствующая о непрерывной жизни укрепления до времени Бухарского ханства.

Взятые в целом, результаты работ по Средней Аму-Дарье, как и разведка вглубь Кара-Кумов, дают нам в руки важные документы для истории политической экспансии средневекового Хорезма, подготовленной экономическим расцветом, явившимся предпосылкой для превращения Хорезма в центр величайшей из восточных империй XII—начала XIII в.

С. Толстов

Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи

(Краткие итоги археологического обследования 1939 г.)

С 1937 г. над изучением археологических памятников древнего Хорезма, расположенных на территории Кара-Калпакской АССР, главным образом в Кызыл-Кумах, большую работу проводит МОИИМК (Моск. отделение Института истории материальной культуры АН СССР) (см. ВДИ № 1 (2) и 4 (5) за 1938 г. и № 3 (8) за 1939 г.).

Аналогичную работу на территории Ташаузской области с 1938 г. начал вести и Институт истории Туркменской ССР.

За короткое время работ в этих районах археологическими экспедициями впервые был открыт ряд весьма ценных памятников, относящихся к II и I тысячелетию до н. э., ряд памятников эллинистической эпохи и целая серия памятников более позднего периода, V—VIII и X—XIII вв. н. э.

Итоги работ первых двух лет—очень большие. Они не только ознакомили нас с обликом археологических памятников древнего Хорезма, но дали нам и большой фактический материал для понимания гражданской истории как самого Хорезма, так и истории Туркменистана на протяжении свыше трех тысяч лет.

Однако, несмотря на большой размах археологических работ по Хорезму, до 1939 г. значительная часть территории оставалась мало исследованной. К таким районам относятся среднее и нижнее течение реки Аму-Дарьи, южная часть Хорезмского округа УзССР и ряд других районов, входящих в северную часть Туркменистана. Судя по топографическим картам, а равно и по дошедшим до нас запискам различных путешественников, в упомянутых районах имеется большое количество развалин.

Перед организованной МОИИМК в 1939 г. большой археологической экспедицией, в которой принимали участие и научные учреждения Средней Азии (Узкомстарис и Институт истории ТССР), встал, наряду с основными работами в Кызыл-Кумах, вопрос об исследовании развалин в этих мало обследованных районах.

Для обследования, в первую очередь, был намечен район правого и левого берегов среднего течения Аму-Дарьи от Чарджоу до аула Питняк. Работа в этом районе проводилась двумя группами. Первая группа под руководством С. П. Толстова вела работу на правом берегу, а вторая, в составе археолога С. А. Ершова, младшего научного сотрудника С. С. Гасанова при двух рабочих,—на левом берегу.

Левобережной группой было обследовано до двадцати различных памятников, расположенных главным образом вдоль старой большой торговой караванной дороги, связывавшей в древние времена Хорезм с Хорасаном и Мавенарагром.